

Аннэ Фрейтаг

ВЕЧНОСТЬ В ТЕБЕ

Я не могу остаться.
Но всегда буду
рядом.

Аннэ Фрейтаг
Вечность в тебе
Серия «Freedom. Трогательные
романы Аннэ Фрейтаг»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65071371
Вечность в тебе: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-120936-0

Аннотация

Когда я смотрю в зеркало в свои глаза, то вижу глаза брата. Не думала раньше, что мы настолько похожи.

Его не стало, и я обрила себе голову налысо. Теперь все, что у меня есть, – стена отчуждения. До сих пор слышу его голос: «Лиз, раньше мы были звездной пылью, ты и я».

От него осталась лишь записка со словами: «Мне жаль». И надежда, что случившееся – неправда. А потом стали приходить письма от его имени. В одном из них лежал билет в Дом искусств.

Я не думала, что именно там встречу человека, чье тепло согреет меня. Рядом с ним мне будет спокойно. Возможно, вместе нам станет легче справиться со своей болью.

Я еще буду скучать по брату. Но однажды мне придется отпустить его навсегда...

Содержание

Среда, 1 февраля, 07:06	5
Среда, 8 марта	6
Среда, 15 марта	16
Четверг, 16 марта, 00:00:43	34
Среда, 22 марта. Аллергия на идиотов	81
Конец ознакомительного фрагмента.	97

Аннэ Фрейтаг

Вечность в тебе

Anne Freytag

NICHT WEG UND NICHT DA

Copyright © 2018 by Anne Freytag

© Кузнецова Е., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

*Этот роман посвящается тем, кто ищет выход
из тьмы. И тем, кто идет им навстречу.*

Да поможет вам интуиция.

Среда, 1 февраля, 07:06

Я все еще держу в руках машинку для стрижки, предназначенную специально для длинных волос. Ее монотонная вибрация передается моему телу. Ключья темно-каштановых прядей, похожие на маленькие птичьи гнезда, валяются в раковине, словно пережиток той личности, которой я больше не являюсь. Словно от моего прежнего «я» осталось всего-навсего три миллиметра. Я смотрю на себя в зеркало, прямо в глаза, но вижу брата. Я никогда не понимала, насколько мы с ним похожи. До сих пор. До этого самого момента. Моя голова обрита, а взгляд скептичен. В точности как у него. Только мои глаза – чернильно-черного цвета. Выключаю машинку и кладу ее на полку. Рядом с допотопным стаканом, в котором теперь стоит лишь одна зубная щетка.

В среднем в теле человека циркулирует пять-шесть литров крови.

А может, и больше.

Среда, 8 марта

Джейкоб

Она неотрывно смотрит на дверь, словно это мишень. Шарф и шапка зажаты в руках, куртка нараспашку. А под ней – безразмерный синий свитер, который доходит девушке до самых колен и грозит поглотить ее целиком. Рукава длинные, слишком длинные.

Звук ее шагов эхом разносится по лестнице, пока я стою внизу возле почтовых ящиков и наблюдаю за ней. Вообще-то я просто хотел узнать, кто там так топает, но потом просто не смог отвести взгляд.

Я знаю ее. Она училась в моей школе. Младшая сестра одного парня из моей параллели. Довольно симпатичная, но всегда какая-то серая, неприметная, как мышь. И к тому же слишком юная. Но сейчас ничего этого и в помине нет. Теперь ее не назовешь серой мышью, да и чересчур юной она уже не кажется. Я рассматриваю ее шею, стриженную налысо голову и длинные ноги. Она стройная, как лань, но двигается, словно воительница. Громко топая, спускается по лестнице, целеустремленно и порывисто. От той неприметной девушки, которой она была раньше, осталось только три мил-

лиметра. Остальное она сбрила.

На ее узком лице застыло непреклонное выражение. Темные брови выделяются на светлой коже, словно роспись на лицах племенных индейцев. В нижней губе – пирсинг: серебряное колечко с маленьким шариком, которое поблескивает в слабом освещении коридора.

Спустившись до моего этажа, она замечает меня и внезапно останавливается. Как будто кто-то нажал на кнопку «стоп». Я жду, что она что-нибудь скажет, но девушка ничего не говорит. Лишь хмурится и, прищурившись, смотрит на меня. Ее глаза черны, как влажная земля.

Наши взгляды встречаются, и это длится чуть дольше, чем необходимо. Несколько секунд. Но потом она обматывает шею шарфом, надевает шапку и исчезает за завесой снегопада.

Луиза

Мы с мамой сидим за кухонным столом и молча поглощаем совершенно безвкусное карри. Соус вязкий и желтый, мясо сухое. Зато сытно. Я смотрю на место рядом с собой. Эта неиспользуемая часть пространства лежит между нами, словно мемориал. Мы похожи на персонажей настольной игры. В самом начале нас было четверо, но теперь – всего двое. По крайней мере, в этот раз хотя бы мама дома.

Когда полтора года назад ушел папа, мы придвинули стол

к стене, потому что мама говорила, что так кухня будет казаться чуть просторнее. Но в действительности причина была не в этом. По правде говоря, все дело было в пустоте, которую мы трое никак не могли заполнить. У стола ведь четыре стороны.

Несколько дней спустя Кристофер повесил на стену над папиной стороной стола большую картину. Уродливого клоуна, очень похожего на нашего отца. Удачное приобретение. Никогда не забуду, как мы смеялись. Мама, мой брат и я. Это было дерьмовое время. Но мы смеялись.

Мой взгляд падает на клоуна, и я внезапно встаю: ножки стула царапают плитку, и мама замирает с ложкой на полпути ко рту.

– Можно, я сниму это? – спрашиваю я, указывая на изображение.

Она откладывает ложку и кивает. Я ставлю клоуна на поллицом к стене и снова сажусь на свое место.

– Как прошел твой визит к доктору Фалькштейну? – спрашивает мама, не глядя на меня.

– Отлично, – говорю я. – Думаю, мне лучше.

– А на самом деле? – настаивает она.

– Все прошло хорошо, – отвечаю я, умалчивая о том, что не смогла выдать из себя ничего, кроме «Здравствуйте». Ни единого слова.

– Тебе будет полезно поговорить об этом.

«Об этом». Довольно интригующий словесный оборот,

потому что для каждого он означает что-то свое. «Об этом» – это такое прикрытие для демонов. «Об этом не говорят», или «об этом решено молчать», или «об этом я не смею даже думать».

О своем «об этом» я просто хочу забыть. Молча.

Джейкоб

Я выхожу из дома. Воздух холодный и тяжелый, но снег больше не идет. Я поднимаю глаза вверх. Тучи рассеялись, и небо покрылось большими синими пятнами. Они темные, синевато-черные с оттенком фиолетового. Как синяки. Этот цвет напоминает мне о моем детстве.

Когда спускаюсь по ступенькам в метро, воздух, рвущийся мне навстречу, подсказывает, что мой поезд только что ушел. Я плетусь на другой конец платформы, на ходу надевая наушники. Нажимаю на Play, прислоняюсь к колонне и закрываю глаза. Сейчас я постоянно слушаю эту песню. «The Only Thing» Суфьяна Стивенса. Мой брат уже устал ее слышать. Он говорит, что моя музыка сводит его с ума. Или вгоняет в депрессию. Но меня она делает цельным. Вот почему он подарил мне наушники. Они и впрямь хорошо делают свое дело. Теперь я могу чувствовать себя цельным, не вызывая его раздражения.

Я всегда говорю «мой брат», но правильнее будет сказать мой «сводный брат». Для меня он – самый важный чело-

век на свете. Все, чего он делает много, я делаю мало. Смеется, разговаривает, встречается с друзьями. Я переехал к нему три года назад. И с тех пор существуем только он и я. И его многочисленные подружки. До моего восемнадцатого дня рождения была еще госпожа Кубицки, которая заботилась о том, чтобы все шло как надо. Чтобы я не пренебрегал школьными занятиями, закончил обучение и не попадал в неприятности. Не сказать, чтобы она мне нравилась, но терпеть можно. К тому же я действительно мог выкинуть что-нибудь этакое.

Мой брат, не в пример мне, просто замечательный. Хотя и довольно несамостоятелен. За него все и всегда делала ма-чеха. Она хотела быть его матерью, а он хотел, чтобы у него была мать. Так что это был идеальный симбиоз. Пока брат не съехал. Тогда он понял, что не имеет ни малейшего представления вообще ни о чем. Но вместо того, чтобы чему-то научиться, он позвонил Андреа. С тех пор она приходит к нам раз в неделю, забирает его белье, а через два дня возвращает чистым и выглаженным. Артур подмешивает к своим вещам мои, потому что я готовлю и хожу за покупками для нас обоих. Андреа говорит, что с моим появлением здесь все пришло в норму, и постирать белье она совсем не против. Говорит, что любит это делать.

Ледяной ветер дует мне прямо в лицо: прибывает поезд. Воздух, который он несет с собой, отдает затхлостью и чем-то металлическим. Я открываю глаза. Двери распахиваются.

Поток людей течет мимо меня. Я захожу в вагон, занимаю место у двери и внезапно думаю о девушке. Об ее темных глазах и круглом затылке. Интересно, каково почувствовать их ладонью? Ее короткие волосы.

Луиза

Я сижу, скрестив ноги, на кровати, слушаю «No Other Way» Паоло Нутини и жду звонка Минг. Уже двадцать минут девятого – мы собирались созвониться почти час назад.

Когда у тебя только одна подруга, есть кое-какая проблема: если она не позвонит, этого не сделает никто. С другой стороны, Минг гораздо больше, чем просто подруга. Она, скорее, что-то вроде десяти друзей в одном лице. Своего рода концентрат.

Мы знаем друг друга уже почти четырнадцать лет, а значит, дольше, чем в состоянии сознательно мыслить. Минг всегда была рядом. Мы вместе ходили в детский сад и начальную школу, а потом – в одну и ту же гимназию. Мы были неразлучны. В июне прошлого года выяснилось, что отец Минг в течение многих своих так называемых сверхурочных часов вообще не работал. По крайней мере, над проектами. Мисаки – так зовут маму Минг – подала за это на него в суд. Вначале состоялся развод, а потом переезд в Берлин. Минг хотела остаться с отцом, чтобы ей не пришлось уезжать из Мюнхена, но тот перебрался в Штуттгарт к своей

коллеге тире подружке тире причине этого самого развода. А Минг? Минг упаковала свою жизнь в коробки, попрощалась со мной и села в машину матери. Это было двенадцатого августа в шесть часов утра. Теперь мы с ней друзья на расстоянии. Она единственный человек, который знает, что скрывается за моей маской. Был еще и другой, но он мертв.

Песня закончилась. Я включаю ее еще раз. И тогда, наконец, иконка Skype на моей док-станции начинает подпрыгивать. Я принимаю вызов, и видеосвязь устанавливается.

– Мне очень, очень жаль, – говорит Минг, – но наш дурацкий семейный ужин, – последние слова она берет в кавычки, загибая пальцы, – длился, как обычно, намного дольше, чем мне хотелось.

«Семейный ужин». Эти слова как удар. Я уворачиваюсь от него и спрашиваю:

– А что произошло?

– Да так, ничего особенного, – говорит она и меняет тему.

Раньше мы с Минг говорили обо всем. О большом и малом. О важном и неважном. Теперь же мы в основном говорим обо мне. О том, как у меня дела. Или на безопасные и поверхностные темы, которые на самом деле никого не интересуют. Я как зона боевых действий, как поле, полное противопехотных мин, которое Минг пытается пересечь. Она инспектирует содержимое и устраняет все, что может причинить мне боль. И делает это по понятным соображениям. Потому что ей не хочется ухудшать ситуацию. Но как раз этим

она и делает все еще хуже. Потому что таким образом отгораживается от меня. Ради меня.

– Ты снова сбрила волосы, – говорит она.

«Поверхностная, безопасная тема».

– Да, позавчера, – говорю я. – Решила добавить шика в мой первый прием у доктора Фалькштейна.

Минг усмехнулась.

– Понятно. И ты так и будешь ходить?

– Ну да, – говорю я и тут же добавляю: – А что? Ты считаешь, это глупо?

– Нет, – говорит она. – Совсем нет. Не будь я такой невероятной трусихой, то и сама попробовала бы.

Я пытаюсь представить, как будет выглядеть Минг с налысо выбритой головой. Было бы жаль ее волосы: они длинные, светло-каштановые и безумно блестящие. У нее азиатские волосы, а они, по-моему, блестят сильнее всех других. И все же Минг бы пошло. Мне кажется, ей идет почти все.

– Я просто спросила, – наконец, говорит Минг. – Потому что ты уже давненько не сбривала волосы. – Краткая пауза. – И вот я подумала, что, может, ты снова их отращаиваешь.

– Нет, – говорю я, проводя руками по голове. – Мне нравится так.

– Мне тоже, – говорит Минг. Картинка чуть покачивается, когда она перекладывает телефон из одной руки в другую.

– А что насчет тебя? – спрашиваю я. – Есть новости?

– Почти ничего, – говорит она.

Она всегда так говорит.

– А как тебе этот доктор Фалькштейн? Я имею в виду, он хороший специалист?

Вот мы и вернулись ко мне. Снова. Все, чего я хочу, – это время от времени забывать о том, что произошло. На несколько минут отказаться от правды и затеряться в обыденности. В рассказах о жизни Минг. О Берлине и ее новой школе. О парнях. Обо всех тех вещах, о которых она рассказывала бы мне раньше.

– Ну, он терапевт, – говорю я.

– А какой у него кабинет?

– В британском духе.

Минг скользнула по мне своим осторожным взглядом.

– Ты собираешься с ним разговаривать?

Все думают, что это помогает. Иногда мне интересно почему.

– Без понятия, – говорю я. – Не знаю, к чему это все.

– Мне кажется, – улыбается она, – что очень здорово, когда у тебя есть возможность рассказать кому-то обо всем.

– Ты можешь рассказать обо всем мне, – говорю я.

– Знаю, – говорит она. – Но я имею в виду постороннего человека. Кого-то, кто тебя совсем не знает. Кому о тебе известно только то, что ты рассказала ему сама.

Может, она и права. Возможно, поговорить с тем, чья роль заключается только в том, чтобы слушать тебя, – это что-то совершенно иное.

– Ах да, о чем еще я хотела тебя спросить, – она снова меняет тему. – Что твоя мама сказала о пирсинге?

Я на автомате хватаюсь за нижнюю губу и прокручиваю маленький шарик между пальцами.

– Ничего, – отвечаю я. – Мне простительно. Наверное, она думает, что это мой способ справиться с этим.

«С этим». Та же история, что и с «об этом».

Джейкоб

Тренировка меня утомила. Руки налиты свинцом, шея напряжена. Мне действительно следовало сходить в магазин заранее. Супермаркет переполнен. Пол коричневый и грязный.

Я прохожу по рядам и останавливаюсь перед полкой с кофе. На лицевой стороне одной из упаковок отпечатано изображение плантации. Люди, улыбаясь, собирают кофе. Земля под их ногами черно-коричневого оттенка. Как ее глаза. Я вижу выбритую налысо голову и тот ее суровый взгляд. Взгляд, похожий на удар. Как стена ярости, за которую она никого не пускает. Я – такой же.

Среда, 15 марта

Луиза

Его кресло, диван, тяжелые портьеры на высоких окнах, обшитые деревянными панелями стены – все здесь кричит об английском загородном доме. Что-то вроде смеси произведений Джейн Остин с пансионатом на побережье. Расписанные самыми разнообразными узорами ткани, пухлые перьевые подушки и какие-то странные столики с несуразными безделушками: совершенно бесполезными статуэтками из фарфора. Справа от меня, например, белая такса. Единственное, что разрушает иллюзию, – дипломы на стенах. Они висят между заключенными в массивные рамы картинами, которые удерживают в себе людей, вазы с цветами и пейзажи. Против их воли. Меня тоже никто не спрашивал.

На одной из картин я вижу охоту на лис. Много лошадей и собак, лес, несколько человек в красных мундирах, и один из них трубит в трубу или в рог – я точно не знаю. Рядом с ней – портрет молодой женщины, которая стоит, опираясь на камин и прислонившись лбом к предплечью. В левой руке она что-то держит. Что-то похожее на письмо. У ног девушки сидит собака, которая сочувственно смотрит на нее.

Печальная картина.

– Я действительно хочу помочь тебе, Луиза. – Помочь мне. Все они хотят мне помочь. Как будто я старуха, которая больше не в состоянии сама перейти улицу. – Но сделать это я смогу только в том случае, если ты поговоришь со мной.

Думаю, что даже в этом случае у него ничего не выйдет.

Диванная подушка, на которой я сижу, жесткая. На вид намного удобнее, чем на деле. Еще мгновение я смотрю в лицо женщины, а потом перевожу взгляд. Снова на него. Он наклонился в мою сторону, опершись локтями на колени. Профессионально и по-дружески. Его взрослое лицо исполнено сочувственно-благожелательного выражения. Глаза его словно говорят: «Мне тоже было пятнадцать. Я знаю, что с тобой происходит».

Ни хрена он не знает.

– Некоторые вещи мы можем переварить, только когда говорим о них, – мягко произносит он.

«А некоторые – никогда», – думаю я, однако молчу. Бывают моменты, в которые хочется уметь просто переключить свою жизнь, как плохую телепрограмму. Сейчас как раз такой.

– Разговор о пережитых травмирующих событиях может помочь нам преодолеть их и залечить нанесенные раны.

Ага. Все равно что заклеить огнестрельную рану пластырем.

Я безучастно смотрю на него. Он вздыхает и сплетает

пальцы, словно молится, чтобы я, наконец, сказала хоть что-то. Но я не говорю ничего. А предпочитаю снова отвести взгляд. Назад, к картинам. Рядом с грустной женщиной висит темное полотно. Лес, густые кусты и высокие деревья. На поляне – олень с огромными рогами. Он смотрит на меня. Я представляю, как он делает несколько шагов ко мне. Мгновение тишины и покоя.

– Расскажи мне, что произошло.

Я смотрю на свои руки. «Что произошло».

– Луиза.

Поднимаю взгляд. Не потому, что хочу этого, а потому, что научилась реагировать на свое имя. Это рефлекс. Я не могу иначе.

– Дело ведь не только в том, чтобы отсидеть свое время.

– Вот как?

При звуке моего голоса он на мгновение вздрагивает, но тут же берет себя в руки.

– Да, – спокойно отвечает он.

– Ну да, точно, – говорю я. – Все дело в том, чтобы вылечить меня. – Пауза. – Правильно?

Оставив без внимания мой сарказм, он спрашивает:

– Почему ты ударила свою одноклассницу?

– Потому что она это заслужила, – прямо говорю я. Холодным тоном. Как будто мне все равно.

– И почему она это заслужила?

«Потому что она мерзкая сука». Я могла бы произнести

это вслух. Часть меня хочет именно этого. Но что изменится? Она все равно останется той же сукой, а я уже ударила ее и ни о чем не жалею.

– В чем причина?

Я думаю о том, что сказала Изабель. Об ее идиотском голосе и взгляде. И о том, как она стояла передо мной в своих узких джинсах-скинни с самодовольной усмешкой на лице. Но потом ее усмешка куда-то делась. Потому что она уже лежала на полу, и в ее носу пузырились кровавые сопли. Она разревелась. А мне было так хорошо, как я не чувствовала себя уже давно.

Не помню, как ударила ее, только смутное ощущение, что мой кулак врезается ей в лицо. Костяшки правой руки пульсируют, как будто этот момент сохранился в их телесной памяти. Я и не представляла, что ударить кого-то – так больно. И понятия не имела, насколько это приятно.

– Луиза, – бормочет он, вздыхая.

Если он назовет мое имя еще раз, я закричу. Встану и закричу. Или швырну таксу о стену.

– Я хочу понять тебя. Я действительно этого хочу.

«Не только вы», – думаю я. Он ждет, но напрасно. Я умею выводить людей из себя. Мою мать. Моего отца. Мистера Вейдингера, школьного психолога.

– Дай мне хотя бы шанс, – устало говорит он, но я не реагирую.

Потерпев поражение, доктор Фалькштейн откидывается

назад. На этот раз я победила не кулаками, а молчанием. Я выдерживаю его взгляд и представляю, как между нашими глазами проходят электрические разряды. Он смотрит на меня, и я смотрю в ответ. Мы играем в игру, но я не знаю, в курсе ли он об этом.

– Зачем ты сбрила волосы? – спрашивает он.

– Думаете, мне не идет? – отвечаю я вопросом на вопрос.

– Хотелось перемен?

Терпеть не могу все это психологическое дерьмо.

– Может быть, – говорю я. – А может, мне просто хотелось испробовать машинку для стрижки волос моего брата. Ему она теперь без надобности.

На последней фразе он напрягается, ненадолго отводит взгляд и таким образом проигрывает в нашей игре.

– Это так вульгарно, – тихо говорит он.

– Или в самый раз.

Его глаза находят мои. Наверное, неприятно возиться с кем-то вроде меня. Столько дипломов на стенах, и тут вдруг я на диване. По-моему, я ему не нравлюсь. Во всяком случае, он раздражен, но старается не подавать виду.

Доктор Фалькштейн снова наклоняется ко мне.

– Ты не можешь избежать этой терапии, – буднично констатирует он. – Тебе ведь это известно?

– Да, – едва слышно отвечаю я.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, а потом он говорит:

– Расскажи мне о Кристофере.

Луиза

Я не рассказала ему ничего. Совсем ничего. И не только потому, что не хотела этого. Прежде всего, я не знала, как. С чего мне следовало начать? С момента рождения Кристофера? С его болезни? Или все же с самого конца? С его смерти.

Меня не было, когда мой брат родился. Совсем еще не было. В то время я была звездной пылью. Это он однажды так сказал. «Лиз, раньше мы были звездной пылью, ты и я». Я слышу его голос. Этаким акустический фрагмент, оставленный им в моей голове. Вместе с воспоминанием о его смехе, которое с каждым днем все больше и больше блекнет. Он не смеялся очень долго. Целыми неделями. А может, даже месяцами. Я испытываю страх, что когда-нибудь полностью забуду этот теплый хриловатый звук. А еще больше боюсь того, что когда-нибудь все будет так, словно моего брата никогда и не существовало. Как будто он не более чем персонаж истории, которую я слышала когда-то в детстве.

Я была еще совсем маленькой, когда Кристоферу поставили диагноз биполярное расстройство, но помню, каким мрачным он бывал уже тогда. Мой брат был самой темной ночью и самым ярким светом. Абсолютный вакуум, а через три дня снова эйфория и всплеск жизненной энергии. Раньше я думала, что все люди такие. Но таким был только он.

Таким шумным и таким тихим.

Мой брат не верил в Бога. Он верил в науку. В клетки, которые умирают. В мозг, который в какой-то момент перестает работать. Я все повторяла ему, что он больше, чем просто клетки, но он только улыбался и качал головой. Несколько месяцев назад я спросила его, как такое может быть, что таблетки не приносят пользы, если они основаны на принципах науки. Он улыбнулся и ответил: «Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что ты довольно умна, Лиз?» Возможно, он был прав, и мы всего лишь клетки. Мозги, которые в какой-то момент перестают работать. Хотя пока что я в это не верю.

Я надеваю куртку, наматываю шарф на шею и покидаю кабинет. Мои шаги гулко разносятся по коридору, ступени скрипят под ботинками. Мои ноги тяжелее свинца.

Мне хотелось бы сказать, что Кристофер умер не в одиночестве, что я была с ним в его последние секунды. Что держала его за руку. Но меня там не было. Никто не держал его за руку. С ним не было никого. Свой последний шаг он сделал один.

Кристофер не хотел, чтобы я видела его таким. И не увидела бы, если бы не поехала домой раньше. Я знала: что-то не так. Это что-то – неопределенное, как предчувствие дождя, – витало в воздухе последние несколько недель. Я чувствовала, что мой брат отдаляется все больше и больше, ускользает от меня, и никто и ничто не удержит его, если этого не

сделаю я.

Мне не пришлось долго смотреть, как он там лежал. Всего несколько секунд. Потом кто-то оттащил меня. Я не знаю, кто это был. Но помню кровь. Она была цвета спелой вишни.

То, что произошло после, куда-то делось. Испарилось. В этом месте в моей голове словно образовался пробел. Никогда прежде я не теряла сознания. Мне были знакомы лишь бодрствование и сон, но теперь я знаю, что существует и другое состояние. Мое тело отключилось прежде, чем я успела по-настоящему осознать, что происходит. Что увиденное мной было настоящим. Как и кровь. Я отключилась прежде, чем поняла, что Кристофера больше нет. Осталось только леденящее душу воспоминание, за которым неотрывно следует голый кусочек прошлого, даже через несколько месяцев остающегося для меня незаконченным пазлом.

Я не знаю, как попала в квартиру. И не помню, когда вернулась домой мама. Она просто внезапно оказалась рядом. И там была я. А еще двое полицейских и психолог. А Кристофера не было. Он ушел в одиночестве. В ближайшую темноту.

Мама разговаривала с офицерами. Ее голос не был похож сам на себя. Он звучал совершенно иначе. Чужой, словно им управлял кто-то другой. Я пошла в свою комнату. А она с ними – в ванную и потом в комнату Кристофера. Мне показалось неправильным, что они вот так запросто входят туда, но я ничего не сказала. Я даже не плакала. Просто прошла

в свою комнату, закрыла за собой дверь и села на кровать. Опустошенная и оцепеневшая.

Записку я увидела не сразу. Только через несколько минут. Она лежала на подушке рядом со мной. Белая и квадратная. Что-то вроде тех бумажек, на которых обычно записывают списки покупок или телефонные номера. Мой брат написал мне свое последнее сообщение на одном из таких листков. Оно состояло всего из трех слов: «Мне очень жаль». Это даже не было предсмертной запиской. Скорее предсмертная фраза.

Эта записка все еще у меня. И кошмары. И абсолютно нерациональная надежда, что все это неправда. Что Кристофер вернется. Что он еще жив. Что все это ошибка, потому что без него я просто не могу существовать.

Хватаюсь за перила и стараюсь дышать спокойно, но воздух густой, как сироп. Моя ладонь скрипит по гладкому дереву, а колени дрожат. Я останавливаюсь. Площадка вращается, и я, ощущая во рту вкус желчи, хватаюсь за поручень. У Кристофера были светло-русые волосы и пронзительные голубые глаза. Мои ноги подкашиваются. Я сажусь на ступеньку лестницы и утыкаюсь головой в прохладные металлические перекладины.

– Ты в порядке? – спрашивает глубокий голос, и я открываю глаза.

Это парень с прошлой недели. Тот, что стоял у почтовых ящиков и смотрел на меня как на образец биоматериала под

микроскопом. Он стоит на лестнице в тренировочном костюме и смотрит на меня.

– Дать тебе стакан воды?

– Нет, – глухо говорю я. – Со мной все в порядке.

Он опускается передо мной на корточки. Его лицо прямо перед моим.

– По виду не скажешь.

Его дыхание пахнет жвачкой.

– Просто проблемы с кровообращением, – бормочу, пытаясь встать. Он протягивает мне руку, но я отмахиваюсь. – Уже прошло, – говорю я, но это не так.

– Подожди здесь, – произносит он и минует меня, поднимаясь по лестнице. Он уходит. Остается лишь его аромат. Аромат, который я могу описать только как мужской. Интересно, узнал ли он меня? Знает ли, что мы учились в одной школе? А еще мне интересно, известно ли ему, что Кристофер мертв. Мне плохо.

Проходит несколько минут, а потом я слышу скрип деревянных ступеней. Рядом со мной появляется небольшая белая тарелка с двумя кусками хлеба. И на каждом сыр и джем. Кристоферу нравилось это сочетание. «Лучшее из двух миров», – всегда говорил он. Я беру один из ломтей и откусываю. Раз, другой, третий. Съедаю бутерброд целиком, потом хватаюсь за второй. Он наблюдает за мной.

Я чувствую бисеринки пота на лбу, на голове, на животе. Лифчик прилипает к телу. Он обязательно это почувствует.

Он пахнет мужчиной, а я — потом.

Когда заканчиваю с едой, он протягивает мне стакан воды.

— Пей, — говорит он.

Я начинаю пить, и с каждым новым глотком маленький шарик моего пирсинга мягко ударяется о холодную поверхность. Дзынь. Дзынь. Дзынь. Очень тихо. Снова и снова. Пока стакан не пустеет. Капля воды стекает по подбородку, и я вытираю ее.

Он забирает у меня стакан. У него темные глаза и длинные ресницы.

— Лучше?

Я киваю.

— Хорошо.

Обронив это свое «хорошо», он хватается тарелку, стоящую рядом со мной на ступеньке, разворачивается и исчезает. Вот так просто. А я даже не знаю, как его зовут.

Джейкоб

Я прислоняюсь к кухонному окну и смотрю сквозь голые ветки на трамвайную остановку. Идет снег. Все исчезает под белым покровом. С неба падают крупные хлопья. Она сидит на скамейке, капюшон ее куртки низко надвинут на лицо. Время от времени она смотрит вверх. Тогда можно увидеть ее небесно-голубую вязаную шапочку. Она потирает руки друг о друга, стараясь согреть их, а потом зарывается ими

в свой шарф. Я мог бы смотреть на нее часами. Не знаю почему. В ней есть что-то особенное. Она выглядит так, будто сидит одна внутри снежного шара. Отрезанная от всего остального мира. В такого рода одиночестве, которое кажется мне знакомым. Мой взгляд падает на стакан в раковине. На отпечаток, оставленный ее губами. Когда я снова перевожу взгляд на остановку, ее уже нет.

А мне нужно на работу.

Луиза

Я сижу в безлюдном трамвае, который скользит по заснеженным улицам, как зачехленный червяк, и вспоминаю странную ситуацию на лестнице. Интересно, как его зовут? И почему он мне помог? Ведь он просто мог оставить меня там сидеть. Он был добр ко мне. Ну, может быть, не так уж и добр, но он позаботился обо мне.

Я смотрю в окно. Белый мир тянется мимо меня. Почему он сначала принес два бутерброда, а потом исчез, не попрощавшись? «Наверное, потому что ты даже не поблагодарила его», — думаю я.

Я вижу перед собой его лицо. Темные глаза. Задумчивые и вроде как сердитые. Складки между его бровями образуют знак числа Пи: две вертикальные линии и одна очень тонкая прямо над ними. При этой мысли я чувствую на губах улыбку, которая, однако, исчезает в тот же миг.

Интересно, были ли они знакомы с моим братом? Говорили ли? Наверное, нет. Я никогда не видела их вместе.

Узнать его фамилию не составит труда. Нужно просто подойти к почтовому ящику, у которого он стоял на прошлой неделе. Четвертому справа в верхнем ряду. В следующую среду я могла бы полюбопытствовать. А еще поискать его фото в старых выпускных альбомах.

Только есть две проблемы. Во-первых, выпускные альбомы лежат в комнате Кристофера, в которую я не входила с тех пор, как он умер. А во-вторых, у парня может быть совершенно стандартное имя, которых нередко бывает сразу несколько на класс.

Минг сейчас сказала бы: «В следующий раз просто спроси у него, как его зовут». Но я не собираюсь этого делать. На загадочных, неразговорчивых парней со своеобразными модными вкусами и складками на лбу, вызванными напряженной работой мысли, женщины бросаются пачками. Он как раз из таких. И то, что он приготовил мне бутерброды, вовсе не значит, что я ему нравлюсь. Это ничего не значит.

И все равно я думаю, что он мог бы попрощаться. Мне все равно. Просто он – немногословный человек. Иного и быть не может: генетическое превосходство из него так и прет.

Я прислоняю голову к запотевшему стеклу и дышу на него. Снежинки устремляются ко мне. Меня знобит. Это такой холод, от которого можно избавиться только в горячей ванне. Но у нас нет ванны.

Когда четверть часа спустя я открываю дверь квартиры, везде темно. Холод пробирает меня до самых костей, и мне все еще хочется есть. Я бы с большим удовольствием легла спать прямо сейчас, но еще нет и шести вечера. Поэтому иду на кухню, наполняю чайник и включаю его.

Завтра у меня день рождения. Первый день рождения без моего брата. Первый день рождения, когда я буду единственным ребенком. Не представляю, как он должен пройти. Мой мир не работает без Кристофера. Это как с уравнением. Если он отсутствует, то у меня ничего не выходит. Нельзя просто отнять что-то с одной стороны, не прибавив этого с другой. Я неполноценна. И мне никогда не найти «икс».

Конечно, у меня остались не только теплые воспоминания о брате. Плохих тоже было много. Очень плохих. Его капризы, вспышки гнева, депрессии. Вся наша жизнь всегда вращалась только вокруг него. Вокруг его творческих эпизодов и черных дыр, которые следовали за ними. Вокруг его лекарств, методов лечения и того, как еще ему можно помочь. В нашей Вселенной он был солнцем, а я – одной из самых малюсеньких, самых ничтожных планет на внешних орбитах, не имеющих даже названия.

Мой брат хотел умереть. Я знаю это. Первые два раза он пробовал использовать таблетки, но в третий раз действовал наверняка. Больше никаких лекарств. Это не было криком о помощи. Это было последнее средство.

Я вслепую лезу в шкаф и вынимаю первую попавшуюся

пачку. Чай Pitta. Папина подруга подарила мне его на Рождество. Я не хотела, чтобы он мне нравился, но этот чай, к сожалению, весьма хорош на вкус. В конце концов, если она мне не нравится, то чай тут точно ни при чем.

Смотрю в окно. В кухне пахнет солодкой и корицей, и я вспоминаю о том, как мы с Кристофером ходили вместе в Дом искусств еще несколько недель назад. В тот день с ним все было в порядке. Его темно-голубые глаза светились, будто весь мир прекрасен и он был единственным, кто понимал это по-настоящему. Мне его не хватает. Мне не хватает его миллионами разных способов.

Я выбрасываю пакетик с чаем в мусорное ведро, выключаю свет и выхожу в коридор. И, как всегда, мой взгляд падает на дверь комнаты Кристофера. И мне кажется, что за ней – пустота.

Всю мою жизнь там был мой брат. Каждый божий день. А теперь его нет. И через несколько часов я стану на год старше. Без него.

Джейкоб

Уже поздно, когда я возвращаюсь домой. И чертовски холодно. Обхожу квартиру, но Артура еще нет. Наверное, он у Джулии. Я ищу причину холода и нахожу ее в его комнате. У моего брата есть привычка распахивать окна, а потом забывать их закрыть. За несколько часов ледяной воздух успел

проникнуть в каждый уголок нашей квартиры. Он прилипает к стенам, как простуда, которая заразит любого, кто останется здесь слишком долго. Я закрываю окно, включаю отопление на полную мощность и иду в свою комнату. Даже здесь холодно. И это несмотря на то, что дверь была закрыта. Выпускной альбом, все еще открытый, лежит на моей кровати. Сажусь и хватаюсь за него.

Девушка на фотографии чем-то похожа на нее, и в то же время – нет. Я смотрю в те же темные глаза, но их выражение совершенно иное. Детское, неприметное. Девушка на фотографии не воительница. Интересно, что сделало ее таковой? Мой взгляд снова находит ее имя. Луиза Кениг. На снимке ей четырнадцать лет, но сейчас, наверное, уже шестнадцать. Она похожа на темную копию своего брата. Где он сейчас? Кристофер был славным парнем. Быть может, немного странноватым, но мне он нравился, хотя и недостаточно для того, чтобы подружиться, что, однако, не имеет к нему никакого отношения.

Я открываю Facebook и ввожу его имя. Ничего. Потом ее. Четыре совпадения, но ни один из профилей не принадлежит ей. У нее нет профиля. И у ее брата, видимо, тоже. Или они завели профиль под чужим именем, чтобы шпионить за другими. Как я.

Звонит мой мобильник. На дисплее высвечивается «Не отвечать». Эвелин. Интересно, сколько раз она будет звонить, пока до нее дойдет, что мне от нее ничего не нужно.

Почему она так поступает? «Наверное, потому, что ты каждый раз ложишься с ней в постель», – говорит голос в моей голове. Я терпеть не могу этот голос. Чаще всего он бывает прав.

Звонок прекращается, но через несколько секунд от Эвелин поступает сообщение.

Не отвечать: *Привет, Джейкоб, я только хотела узнать, как у тебя дела.*

Я не отвечаю. Она печатает:

Не отвечать: *Ты там?*

Я качаю головой и закатываю глаза. «Просто перестань мне писать».

Не отвечать: *Ты, наверное, сейчас на тренировке. Или в душе.*

«Ни то ни другое».

Не отвечать: *Я подумала, может, зайти к тебе с пиццей? Я недалеко.*

Почему голоса в моей тупой башке никогда не могут сойтись во мнениях? Я не хочу, чтобы Эвелин приходила. Не хочу разговаривать с ней. Не хочу вести себя с ней по-свински. Но вместе с тем сейчас мне не хочется оставаться одному. И, кроме того, я голоден. И переспать с ней в любом случае будет лучше, чем продолжать думать о девушке с побритой налысо головой и слабым кровообращением. Хоть на какое-то время перестану это делать.

Не отвечать: *Я сейчас просто загляну к тебе и позвоню*

в дверь. Может, мне повезет.

Делаю глубокий вдох и закрываю глаза. Я знаю, что должен ответить ей. И даже знаю что. Но не делаю этого.

Скоро она позвонит, и тогда я предложу ей войти. Сначала между нами ненадолго повиснет молчание, а потом мы начнем целоваться. Это похоже на какую-то извращенную игру, в которую мы продолжаем играть. Я пересплю с ней и не смогу заснуть после. Она будет лежать рядом со мной и займет все место на кровати, а я буду бодрствовать и проклинать тот факт, что мне не хватает духа отправить ее после секса домой. И, хотя я все это знаю, все равно ее впущу. Понятия не имею почему.

Четверг, 16 марта, 00:00:43

Луиза

Ровно в полночь звонит Минг. Она, конечно, хочет меня поздравить, но мне не до разговоров. И поздравлений тоже не хочется. Так что я не отвечаю. Знаю, она поймет. Она знает, какая я.

Если бы Минг не переехала, то, наверное, была бы сейчас здесь. Лежала рядом со мной. Интересно, мы бы говорили? Не могу этого сказать. Я знаю лишь то, что в данный момент рада быть одна. Не нужно говорить. Ни с кем. Я просто лежу на кровати и думаю о том, как год назад мы с Кристофером сидели вместе на кухне и чокались. Горячим шоколадом, потому что из-за таблеток ему нельзя было пить алкоголь. Это был лучший горячий шоколад, который я когда-либо пила. Хотя... на самом деле это неправда. Не так уж он был хорош. А вот тот момент – да. «Окружение». Я, мой брат и один из наших многочисленных разговоров.

Мы поставили «Free Stuff» группы Edward Sharpe & The Magnetic Zeros на повтор и разговаривали до поздней ночи. О жизни, о любви, о наших планах. Кристофер хотел влюбиться, съехать и поступить в Академию искусств. Но на са-

мом деле он почти не покидал эту квартиру, не учился и не влюблялся. Вместо этого он покончил со своей жизнью прежде, чем начал жить по-настоящему.

Тогда я еще думала, что все будет хорошо. Что он нашел выход из своей тьмы. Сейчас – спустя год – он мертв. Может, это и был его путь. Может, другого выхода не было. Для меня это значит, что больше не будет никакого горячего шоколада. И никаких планов на будущее. И никаких подарков. Никогда больше ни одного его подарка.

Кристофер не просто что-то покупал, он всегда что-то придумывал. Что-то личное. Что-то, что показывало, насколько вы важны для него.

Я поворачиваюсь на бок и рассматриваю выполненный шариковой ручкой рисунок, который он подарил мне на день рождения в прошлом году. Рамка была завернута в золотую бумагу. С большим красным бантом сверху. Кристофер всегда рисовал шариковой ручкой. И всегда только синей. Он говорил, что каждый художник должен иметь отличительную особенность, по которой его узнают другие. Эта была его. У него в столе был целый ящик с PaperMate – его любимыми шариковыми ручками. Не знаю, сколько их было, но ему все не хватало. Когда у моего брата случался один из его маниакальных эпизодов, он бодрствовал в течение нескольких дней. Он становился беспокойным. И рисовал. Даже ночами. Свет постоянно пробивался из-под его двери в темный коридор, и я знала, что он там.

Я глажу стекло. Оно в пыли. Она лежит на нем ровным тонким слоем. Я стираю ее краешком покрывала и рассматриваю картину. Синие линии, которые когда-то нарисовал Кристофер. Тонкие как бумага. Две руки с переплетенными пальцами. Они схематичны и двумерны.словно огромный степлер, который соединяет ладони и удерживает их вместе. Как отдельные страницы. Когда Кристофер дал мне этот рисунок, он сказал: «Ты и я, мы навсегда связаны. Ты ведь знаешь это, правда?» Я тогда кивнула. Сегодня я спрашиваю себя, знал ли он к тому времени, что собирается сделать?

Я усаживаюсь и отпиваю глоток чая. Он уже остыл, но это ничего. Мой телефон вибрирует, и дисплей загорается. Три новых сообщения. Первое – от Минг. Второе – от моего отца. И третье – от мамы, которая пишет, что вернется домой не раньше часа ночи, потому что внезапно произошла чрезвычайная ситуация, но она купила торт и надеется, что я еще не засну, когда она придет.

В тот момент, когда я убираю телефон, на электронную почту приходит письмо. Открываю приложение. Отправитель: Futureme.org¹. Чертов спам. Я как раз собираюсь удалить письмо, когда замечаю тему: «Не удаляй, Лиз. Это я».

¹ Futureme.org – с английского языка future me переводится как «будущий я» (прим. пер.).

Джейкоб

Уже половина первого, и Эвелин спит глубоко и крепко. Как будто моя проклятая кровать – это то место в мире, где она чувствует себя наиболее комфортно. Я наблюдаю, как ее грудная клетка равномерно поднимается и опускается. Она лежит рядом со мной и все же будто бы где-то в другом месте. Мне бы очень хотелось, чтобы она была совсем в другом месте.

В животе урчит. Я вскакиваю, подбираю свои трусы-боксеры и футболку, надеваю их и тихонько выхожу из комнаты. В коридоре замечаю, что Артур не вернулся домой. Его обуви нет. Как и его ключей. Иду на кухню, сажусь за стол и съедаю кусок холодной пиццы. Мой телефон все еще лежит рядом с открытой картонной коробкой. На экране блокировки отображаются два новых сообщения.

Артур Райхенбах: *Привет, младший брат. Я остаюсь у Джулии на ночь. Просто хотел сообщить тебе. Увидимся завтра? Как насчет кино? Артур.*

Пишу ему ответ.

Джейкоб Беккер: *Смотря какой фильм. До завтра.*

Затем открываю новое сообщение в WhatsApp. Верена Борман. Я не знаю никакой Верены Борман.

Верена Борман: *Привет, Джейкоб, я не знаю, помнишь ли ты меня, но мы познакомились на концерте Cat Power*

в прошлом месяце. У тебя было мало времени из-за работы, но мы успели немного поговорить. С тех пор я побывала в «Ампере» еще четыре раза, потому что надеялась увидеть тебя там снова, но тебя ни разу не было. Я спросила у другого бармена (кажется, его зовут Лука?) твой номер, и он дал мне этот. Надеюсь, ты не против. Было бы неплохо встретиться с тобой. До скорой, надеюсь, встречи. Верена.

Зачем он только это делает? Я, наверное, тысячу раз говорил этому тупому идиоту, чтобы он не давал мой номер. Но он продолжает это делать. Иногда мне кажется, что ему это нравится. Удаляю сообщение Верены, даже не задумываясь. Она не знает, но я делаю ей одолжение.

С Эвелин все начиналось точно так же. Сообщение – и мой ответ на него. Хотел бы я никогда не отвечать ей.

– Джейкоб?

«Поверить не могу». Я раздраженно прикрываю глаза, а потом поднимаю взгляд. На Эвелин одна из моих футболок, волосы распущены и растрепаны. Если бы она что-то значила для меня, это было бы прекрасным зрелищем. Но я вижу лишь то, что она рылась в моем шкафу, не спросив у меня разрешения.

– Не можешь уснуть? – спрашивает она, приближаясь ко мне на своих длинных ногах.

– Когда ты рядом, я никогда не могу уснуть.

Тишина.

– Я не знала, – тихо говорит она.

– Откуда тебе знать? – глухо отвечаю я. – Ведь ты, в конце концов, спишь.

– Я сделала что-то не так?

«Почему девушки такие? Почему?»

– Нет, – говорю я и встаю, – просто устал.

– Ты хочешь, чтобы я ушла?

Мой взгляд говорит «да», а я:

– Нет. Все в порядке.

– Ты лжешь.

Я делаю глубокий вдох и провожу рукой по волосам:

– Что ты хочешь от меня услышать?

– Даже не знаю, – бормочет она. – Правду?

– Правду, – пренебрежительно повторяю я. Все они всегда хотят правды, но только до тех пор, пока им ее не скажут. Я смотрю ей прямо в глаза: – Ты права. Это была ложь.

Она сглатывает так, как глотают слезы. Тяжело и громко. Как будто в ее горле застрял ком. Я знал, что она не хочет этого слышать. Она надеялась, что моя ложь окажется правдой: что я хочу, чтобы она осталась. Эвелин стоит передо мной босая и уязвленная. С голыми ногами и взглядом, который наверняка встревожил бы меня, будь я в нее влюблен. Но я не влюблен. Иногда не знаю: это я сволочь, потому что хочу, чтобы она ушла, или она тупица, потому что всегда возвращается? Почему девушки всегда думают, что должны тебя спасти? Что могут починить то, что в тебе сломалось, достаточным количеством любви?

– Ты знаешь, когда начинает работать метро? – наконец спрашивает она.

– Не знаю, – отвечаю я. – Как я уже сказал, ты можешь остаться.

– Ты думаешь, я хочу быть с кем-то, кто не хочет быть со мной?

– Уже поздно.

– Я все равно пойду.

И я радуюсь.

Так радуюсь, что даже не прошу ее снять футболку. Пусть оставит ее себе.

Луиза

Futureme.org

Кому: luise.koenig@gmail.com

Не удаляй, Лиз. Это я

Моя дорогая Лиз.

Если ты читаешь это, то я мертв, а у тебя день рождения. Всего наилучшего в день твоего шестнадцатилетия, сестренка! Будь я все еще там, то приготовил бы нам горячий шоколад и обнял тебя крепко-крепко. Надеюсь, мама с горячим шоколадом с тобой и обнимает тебя.

Я понимаю, ты злишься на меня и имеешь на это полное право. То, что я сделал, было чертовски

эгоистично. И хорошо, что часть тебя ненавидит меня за это. Правда, Лиз, я все понимаю. Если бы я видел другой путь, то выбрал бы его, и ты это знаешь. Для тебя он существует. Для меня же его не было никогда. Чтобы пойти по иному пути, я сам должен был быть кем-то другим. Большие – тобой, меньшие – собой. Кем-то, кто не только пытается хоть как-то выдержать эту жизнь, но и любит ее. Но я не такой, как ты, Лиз. Я весь был какой-то слишком. Слишком грустный, слишком шумный, слишком вспыльчивый, слишком усталый. И слишком одинокий. Ты не можешь этого понять, потому что твоя голова не так затуманена, как часто бывала моя. Я не могу объяснить тебе, каково это – не узнавать себя, что значит снова и снова теряться в собственных мыслях, иногда даже частично не осознавая этого. В иные дни мир был настолько ярким и красочным, что я с трудом мог переносить его, а затем, кажется, спустя всего лишь мгновение, все цвета внезапно исчезали. И света не было. Не было ничего, кроме темноты. Будто всю жизнь и радость высосали из мира. Я цепенел, словно был заперт внутри самого себя. Везде чернота и серость, а где-то между ними – я. Такое чувство, что тебя больше нет. Это была пустота, которая просто не могла никуда исчезнуть. А потом я снова становился непобедимым. Великолепным и намного умнее всех остальных.

Я был недугом. Бременем. И так до самого конца. Ты даже не представляешь, сколько раз спасала мне

жизнь. Только тем, что была рядом. Тем, что любила меня. Каждую мою ипостась. И все же я хотел бы избавить тебя от всего этого. Хотел бы избавить тебя от себя. От моих чередующихся эпизодов и необходимости каждый раз прятаться, потому что у твоего дерьмового брата снова случался очередной срыв. Когда ты боялась за меня, потому что я пропал. Или когда ни на что не реагировал. Или бывал агрессивен.

Я ненавижу себя при мысли о том, что оставляю тебя одну, но сам остаться не могу. Я не тот человек, которым делают меня лекарства. Моего настоящего «я» слишком много для этого мира, а моего спокойного – слишком мало для меня. Здесь я не чувствую себя в безопасности. Такое ощущение, что я ненастоящий. Что это не я. И меня недостаточно. Поэтому я выбираю конец. Мой конец. Но, прежде чем сделать решающий, последний шаг, я должен убедиться, что без меня тебе будет хорошо. И, поверь мне, так и будет. Все будет хорошо.

Я написал тебе письма, в которых постепенно буду прощаться с тобой. Спокойно. И в полном сознании. Без таблеток, от которых у меня туман в голове. Без медикаментозного фильтра, с которым мир лучше переносит меня. Это нулевое письмо. Следующее ты получишь через неделю.

Что касается моего подарка на твой день рождения: я кое-что спрятал в своей комнате. Ты знаешь где. Полагаю, ты не входила в нее с самого дня

Х, но это всего лишь комната, Лиз. Там нет никаких злых духов. Так что бояться нечего.

Когда найдешь подарок, сначала прочти открытку. Это важно.

Итак, моя дорогая сестренка, желаю тебе в твой день рождения всего самого наилучшего! В тебе столько любви, столько сердца и столько чувств. Всегда помни о том человеке, которым ты была до того, как мир научил тебя, кем тебе следует быть. Потому что ты прекрасна такая, какая есть, Лиз. Я люблю тебя.

Твой Кристофер.

Мои мысли разбегаются. Они разлетаются в моей голове, как щепки. Обрывки разговоров, голос Кристофера, мои ответы.

– Если я когда-нибудь умру...

– Не говори, что ты когда-нибудь умрешь, – не даю я ему договорить.

– Но ведь когда-то это случится, и когда я...

– Кристофер, прекрати.

– Тогда я свяжусь с тобой из потустороннего мира.

– Из потустороннего мира? И как?

– Ты меня знаешь. Я найду способ.

Я пересекаю коридор. Словно на дистанционном управлении. Перед его дверью останавливаюсь, затем поворачиваю ручку и захожу в комнату. Теперь я могу это сделать. Несколько минут назад это было невозможно.

Его запаха здесь больше нет. Я не была в этой комнате уже несколько недель. Последний раз – именно в тот день, когда он покончил с собой. Я стояла в дверном проеме и прощалась с ним. И еще не знала, что он задумал. Интересно, должна ли я была понять?

Я делаю глубокий вдох. Полтора месяца назад эта комната еще пахла моим братом. Это был чистый, теплый аромат, основанный на каких-то составляющих, производимых его организмом. Теперь он ничего не производит. Никогда не понимала, почему все люди пахнут по-разному. Как отпечатки пальцев, только ощутимые обонянием. Все здесь принадлежало Кристоферу, но ничто из этого не смогло удержать его запах. Ни постельное белье, ни занавески, ни одежда. Мой брат приятно пах. Гелем для душа или дезодорантом, а иногда и парфюмом. Теперь тут пахнет чем-то затхлым и старым. Даже не стиральным порошком. Как будто от него совсем ничего не осталось.

Думаю, этого я и боялась больше всего. Что все, связанное с ним, исчезнет. Сначала он сам, потом его запах, потом – смех. Меня пробирает дрожь. Ладони, руки, колени – все дрожит. Если бы я сейчас заговорила, мой голос тоже бы дрожал. Я, как вкопанная, стою посреди комнаты. Комнаты, которая не принадлежит больше никому и больше никем не пахнет. Комнаты, в которой прошла большая часть моего детства. Я стою и плачу. Молча.

Кристофер написал мне из могилы. Я слышу его голос у

себя в голове. Снова слышу, как он говорит: «Ты меня знаешь. Я найду способ». Он сделал это. Так было всегда. Возможно, однажды я не вспомню его лица. Возможно, время постепенно сотрет его из моей головы. И, возможно, на его место придет невнятное, постоянно давящее своей тяжестью чувство. Но сейчас этого нет. Пока нет. Сейчас мой брат снова рядом со мной.

Я вижу его темно-голубые глаза, светло-русые волосы и такую широкую ухмылку, что на его щеках появляются две продолговатые ямочки. И это вызывает у меня улыбку. Сквозь слезы чувствую, что мои руки холодны как лед. Я не могу иначе. Так было всегда. Когда он вот так ухмылялся, я не могла не улыбнуться в ответ. Даже когда злилась на него. Такова была естественная реакция моего тела.

Мое сердце бьется быстро и сильно. Так, словно работает за нас обоих. Я подхожу к его шкафу, открываю правую дверцу и опускаюсь на корточки. Нижняя панель не закреплена. Ее можно вынуть. Под ней чуть меньше пятнадцати сантиметров пространства. Пятнадцать сантиметров для того, чего никто не должен видеть. Маленький скрытый мирок, о котором никто не знает. Кристофер любил прятать там свои лекарства, когда снова тайком бросал их. И деньги. И некоторые личные вещи. Он был одержим мыслью, что наша мать тайно обыскивает его комнату, когда его нет дома. Чего, впрочем, она никогда не делала. Иногда я удивляюсь, почему он показал мне свой тайник. Он не давал никаких

подробных объяснений, но хотел, чтобы я знала. Помню, как он мне подмигнул: «Это останется нашим секретом, Лиз». Мой брат любил секреты. И красивые слова. И цифры. И шариковые ручки. И искусство. И многое другое, чего я никогда не понимала.

Я хватаюсь за незакрепленную панель, а затем осторожно вынимаю ее и кладу рядом с собой. Немного наклоняюсь вперед и в тусклом свете вижу плоскую картонную коробку. Она идеально вписывается в полое основание. Места по краям как раз достаточно для моих пальцев. Кристофер, должно быть, сделал ее сам. Поверхность шероховатая и рифленая. Из серого матового картона. На крышке приклеен конверт, на лицевой стороне которого написано только одно слово: «Лиз».

Мой брат не забыл меня. Он любил меня. При этой мысли я начинаю рыдать.

Джейкоб

Эвелин ушла. Но я все равно не могу уснуть. Лежу на кровати с закрытыми глазами и слушаю «Little Rain» группы The Rolling Stones. Отличная песня. Музыка удается то, что Эвелин тщетно пытается сделать вот уже несколько месяцев: она трогает меня. Проникает в меня. Слой за слоем.

Некоторым людям нужно общество. Мне нужна только музыка. Мой брат не понимает, как можно слушать один и

тот же альбом часами, ничего при этом не делая. Типа уби-
раться, принимать душ, трахаться. Когда он слушает музы-
ку, то всегда что-то делает. Когда я слушаю музыку, то слу-
шаю музыку. Растворяюсь в ней, как шипучая таблетка в во-
де. А потом словно исчезаю. Голоса в моей голове смолкают,
и прошлого больше нет. И все хорошо.

Я лежу на кровати, вытянувшись и сцепив пальцы на за-
тылке. Сердце бьется ровно и размеренно, коже тепло. Качаю
ногами в такт. И тут я вдруг думаю о Луизе. Об ее глубоких
темных глазах и изящном теле, которое так не соответствует
ее взгляду.

Она спустилась с третьего этажа. Там всего два кабине-
та. Либо так случайно вышло, что она посещала стоматолога
две среды подряд, либо она проходит терапию. У нее краси-
вые зубы. Слишком красивые, чтобы посещать стоматолога
два раза за такое короткое время. Возможно, в одно из этих
посещений она была на чистке зубов. Некоторые люди ведь
делают так.

А, да что я знаю. Кроме того, меня это не интересует. Была
ли она у дантиста или проходит терапию. Мне наплевать. Но
зачем ей могла понадобиться терапия? И зачем она побри-
ла голову налысо? Что превратило послушную Луизу из вы-
пускного альбома в эту, с пирсингом в губе? Я поворачива-
юсь на бок и вижу, как она, съевшись, сидит на ступеньках
и поглощает приготовленные мной бутерброды. Так, словно
уже несколько недель ничего не ела. Она цеплялась за тарел-

ку, словно маленький зверек за ветку. Интересно, стало ли ей лучше? И что с ней случилось? И почему она такая грустная?

Слишком много вопросов для того, кому наплевать.

Луиза

Я не вижу ничего, кроме размытых темно-синих линий, нарисованных шариковой ручкой и подергивающихся на бумаге сквозь собравшуюся влагу. Мне хотелось бы уметь контролировать свои слезы, хотелось бы иметь возможность отключить их, просто повернув кран. Но ничего не выходит. Они все текут и текут. Рыдая, я сижу на полу и вытираю лицо ладонями. Снова и снова.

Проходят минуты. Вокруг, если не считать моих всхлипов, мертвая тишина. Я прижимаю ладони к векам, глубоко вдыхаю и выдыхаю, концентрируюсь на ощущении, как воздух растягивает мои ребра. Потом открываю глаза. Должно быть, мой брат хорошо себя чувствовал, когда подписывал эту открытку. У Кристофера было много разных почерков. Этот – прекрасен. Длинные петельки у «д» и изогнутые, вытянутые вверх палочки у «р». Почерк художника. В маниакальных фазах у него получался единый причудливый клубок каракулей, расшифровать который не мог никто, кроме него. Тогда его мысли становились быстрее, чем руки. За ними было не угнаться. Никому. Он был королем мира. Ха-

ризматичным, утомительным и шумным. Вспыльчивым, самоуверенным и веселым. Но в какой-то момент становился опустошенным. Словно совершенно выматывался, израсходовав себя без остатка. Как будто он произнес все свои слова, и теперь ему требовалась перезагрузка.

Когда мой брат впадал в депрессию, то переставал говорить. Иногда это длилось целыми неделями. Время от времени я включала ему музыку или подкладывала бумагу и ручки. Но в большинстве случаев он не мог заставить себя взять их в руки. Он просто лежал и смотрел в никуда пустыми глазами.

Но в тот день, когда Кристофер написал это, он был самым собой. Моим старшим братом.

Дорогая Лиз,

желаю тебе всего самого наилучшего в день твоего шестнадцатилетия! Я знаю, что у нас многое было запланировано на сегодня: сделать татуировку, заказать пиццу и посмотреть «Карточный домик». Я ничего не забыл. Но не могу присутствовать. Однако это не значит, что теперь ты не должна ничего этого делать. Я знаю, что ты сейчас скажешь. Что мы хотели сделать это вместе, что это не одно и то же, когда меня нет, что ты вообще не хочешь татуировку... Но я знаю, что это не так. И ты тоже это знаешь.

В картонной коробке ты найдешь три вещи. Теперь подними крышку и открой подарок под номером один.

Я снимаю крышку и кладу ее на вынутую из шкафа панель рядом с собой. В коробке лежат три упакованных по отдельности пакета. Они пронумерованы. Первый – самый большой. Он мягкий и помятый. Я тяну за ленту и аккуратно отклеиваю скотч. Бумага шуршит, когда я разворачиваю ее. Это футболка. Как только понимаю, какая именно, снова начинаю плакать. Я прижимаюсь лицом к темно-серой ткани. Кристофер носил ее так часто, что она до сих пор пахнет им. Футболка смогла сохранить его запах. Я кладу ее себе на колени и провожу кончиками пальцев по надписи на груди. «АЛЛЕРГИЯ НА ИДИОТОВ». Эта футболка была его любимой. Он носил ее постоянно. Хватаю открытку и читаю, что написал об этом Кристофер.

Я провел в этой вещи полжизни, вторая половина – твоя. Мне следовало отдать ее тебе гораздо раньше. Теперь она твоя.

Время для подарка номер два.

Подарок номер два – конверт. Он не заклеен. Я вытаскиваю из него карту из плотного картона и переворачиваю ее. На лицевой стороне годовой абонемент, а под ним – 363 дня современного искусства. Мне не нужно читать, что об этом написал мой брат. Но я все равно это делаю.

Футболка была моей любимой одеждой. А Дом искусств – любимым местом. Я знаю, что ты это знаешь. Я много раз упоминал об этом и достаточно часто заставлял тебя ходить со мной. Искусство

может научить нас вещам, которых нет ни в одной книге, Лиз. Потому что каждому оно говорит что-то свое.

Неважно, сходишь ты туда один раз или все 363. Ты вообще не обязана туда ходить. Но я хотел, чтобы у тебя было место, куда ты всегда (ну или почти всегда) сможешь прийти. Прекрасное место, в котором ты сможешь отдохнуть и которое будет напоминать тебе обо мне. Я невероятно любил бывать там с тобой. Каждый раз мне казалось, что среди всех этих изображений и инсталляций я нахожу частичку самого себя.

Так. А теперь последнее и самое важное: собственно, сам подарок. Как только ты его увидишь, то сразу поймешь, в чем дело. Я вдохновился таксой Пикассо, потому что знаю, как она тебе нравится. А теперь открой его.

Мои руки дрожат, когда я снимаю оберточную бумагу с последнего подарка. Под ней скрывается небольшая фото-рамка с рисунком, выполненным шариковой ручкой. Две крошечные рыбки, очертания каждой из которых состоят только из одной сплошной линии. Как у таксы Пикассо.

Надеюсь, рисунок тебе понравится. Если интересно мое мнение, он идеально подойдет к месту чуть ниже твоей щиколотки. Или на шею. Но это всего лишь идеи. Ты можешь сделать ее там, где захочешь. В конце концов, она останется на всю жизнь – в отличие от меня.

Я уже говорил с Даниэлем. Татуировка оплачена, он даже не попросит удостоверения личности. Сначала это была просто рыбка (ты), но потом я подумал, что их должно быть две: ты и я. Мы двое.

Через неделю ты получишь от меня еще одно письмо. А до тех пор береги себя. Сходи в Дом искусств. Сделай татуировку. Съезди к Минг на выходных. Делай то, что тебе нравится.

*И не забывай: я всегда с тобой.
Твой Кристофер.*

Джейкоб

День тянется как резина. Я почти не спал и, соответственно, раздражен. Обычно меня не напрягает обслуживать других. Это всего лишь то, что я делаю, а не то, кто я есть. Но сегодня меня раздражает все. Необходимость улыбаться, быть вежливым. Мои три работы и тот факт, что я понятия не имею, как распорядиться отпущенным мне на этой планете временем. Все всегда говорят, что нужно жить моментом. А после? Я не могу вечно быть официантом. Или убирать гостиничные номера. Или заниматься доставкой еды, разъезжая на велосипеде. Мне нравится говорить себе, что я работаю, чтобы жить, а не живу, чтобы работать. Но это не так. Я заправляю кровати, заполняю мини-бары, подаю напитки и приношу пиццу каким-то ленивым людям. Не более.

– Вот... два капучино и два травяных чая на семнадцатый стол. Потом можешь идти.

Я киваю Тому, ставлю чашки на поднос и отношу напитки четверем женщинам, которые смотрят на меня так, будто их не трахали уже много-много лет.

Они приходят в кафе каждый четверг после обеда и хотят, чтобы их обслуживал я, хотя тоже не выглядят довольными.

– Один капучино для вас, один для вас и два травяных чая, – говорю я своим официантским голосом. – Могу я принести вам что-то еще?

Они качают головами, как сорокапятилетние школьницы, и я возвращаюсь к бару. Раньше я спрашивал, могу ли еще что-нибудь для них сделать. Но потом отучил себя. Было в этом что-то вроде аморального предложения, которое большинство женщин приняли бы с радостью. Особенно замужние.

Я ставлю поднос, снимаю фартук и вешаю его.

– Увидимся послезавтра, Том, – стараюсь перекрычать шум кофемашины.

В ответ он поднимает руку и ухмыляется. И я покидаю бар. Музыка становится тише, а свет ярче. Мне здесь нравится. Высокие пустые пространства заставляют меня чувствовать себя маленьким, в хорошем смысле этого слова. Они напоминают мне, что я мчусь по галактике на каменной глыбе и безумно ничтожен. Если вы это знаете, то ни одно решение не имеет особого значения. Вселенной нет до нас дела.

Прохожу мимо магазина при музее. Патрик сидит у кассы и смотрит в пространство перед собой, а это значит, что он чуть не погибает от скуки. Его вид вынуждает меня улыбнуться. Я отвожу взгляд в сторону. И вижу ее.

Луиза

В прошлый раз мы были здесь вдвоем. Кристофер таскал меня от одной картины к другой, а я делала вид, что понимаю, почему они так много для него значат. Притворялась, что вижу то же, что и он. Мы разглядывали одни и те же картины и скульптуры, но мне они не говорили ровным счетом ничего. Только для моего брата у них, наверное, было что сказать.

Показываю мужчине в форме свой билет и вхожу в первое помещение. Не знаю точно, зачем я здесь. Выставка удручает. И посещение ее без Кристофера только еще сильнее напоминает мне о том, что он мертв. Я останавливаюсь перед инсталляцией Бойса и стараюсь найти в ней что-то привлекательное.

– Тебе она нравится? – внезапно спрашивает мрачный голос рядом со мной, и я вздрагиваю.

Он? Здесь? Такие, как он, в музеи не ходят. Не то чтобы я имела представление, куда именно они ходят, но не в музеи точно.

– Я так понимаю, что нет? – улыбается он. Это самая неза-

метная из возможных улыбок, но это улыбка. Потом она про-
падает.

– Я не знаю, нравится она мне или нет, – говорю я спустя некоторое время.

Мой взгляд блуждает по, кажется, произвольно валяющимся кускам. По мне, так все это просто один сплошной беспорядок. Немного напоминает оторванные конечности.

– Понятия не имею, что он хотел этим сказать. – Короткая пауза. – Вообще-то я не очень разбираюсь в искусстве.

– Уверен, если я расскажу тебе кое-что об этой инсталляции, ты согласишься на нее по-другому.

Я поднимаю брови и жду. Он смотрит на меня, а потом делает шаг навстречу. Теперь мы стоим так же близко, как вчера на лестничной клетке. От него пахнет мужчиной, мылом и – совсем чуть-чуть – потом.

– Она называется «Памятники оленям», – говорит он.

– А как зовут тебя? – спрашиваю я.

Он улыбается, и на этот раз его улыбка настоящая.

– Джейкоб.

Смотрю на него снизу вверх и говорю:

– Я Луиза.

– Да, – отвечает он. – Я знаю.

Джейкоб

Я верю в совпадения. В свободу воли. В цепные реакции.

Но, как по мне, вера в судьбу – это для тех людей, что боятся брать на себя ответственность за свои решения. А так выходит, что всегда виноват кто-то другой. Все должно было получиться именно так. Они считают себя беспомощными перед капризами providения. Я считаю все это чепухой.

Но то, что сейчас именно она ходит по тому же залу того же музея, что и я, уже невероятное совпадение. Та самая девушка, о которой я невольно думаю вот уже несколько дней. В универмаге, супермаркете или на пешеходном переходе – еще куда ни шло. Но встретить ее здесь? В Доме искусств? На выставке послевоенного периода?

– Итак, – говорит она, разглядывая меня, – почему «Памятники оленям»? Я не вижу никаких оленей.

Я немного нервничаю. Но потом она улыбается, и это чувство исчезает.

– А что ты вообще видишь? – спрашиваю я.

Она смотрит на предметы, лежащие на полу, а я наблюдаю за ней.

– Для меня эти штуки выглядят как отрубленные конечности.

Она избегает моего взгляда, словно боится, что ее ответ был глупым.

– Именно это они и представляют, – говорю я.

– Серьезно? – она смотрит на меня.

Я киваю.

– Детали инсталляции сделаны из глины. Бойс много ра-

ботал с мифическими символами. С христианскими и германскими. Согласно Библии, Бог вылепил человека из глины, а затем вдохнул в него душу.

Ее взгляд на меня полон скептицизма, будто я только что это придумал.

– А тот кусок дерева в центре на четырех ногах, – я заключаю слово «ноги» в кавычки, – представляет собой оленя.

Она склоняет голову на бок и хмурится:

– Больше похоже на крышку гроба.

– Ты права, – говорю я, вынужденный улыбнуться. – Предположительно, это была гладильная доска его матери.

Луиза косится на меня так, словно ждет, что в любой момент я могу начать смеяться. Но я не смеюсь.

– А почему олень? – спрашивает она, наконец.

– У оленя много значений. Среди прочего он символизирует новые начинания.

Она останавливает на мне взгляд, который заставляет меня нервничать, поэтому я отворачиваюсь.

– А почему? – спрашивает она.

– Наверное, потому что его рога постоянно отрастают. Это символ возрождения и обновления. Олень играет важную роль почти у всех коренных народов и почти во всех религиях.

– Откуда ты так много об этом знаешь?

Чувствую, что она все еще смотрит на меня, и продолжаю разглядывать куски глины у моих ног.

– Я здесь работаю.

– Кем?

Наши взгляды встречаются. Я ищу снисходительность в ее глазах, но так ничего и не могу обнаружить.

– Я работаю официантом, – отвечаю отстраненно, как будто это работа, за которую мне должно быть стыдно.

– Где? – спрашивает она.

– Там, в кафе. Оно называется «Золотой бар».

– Не знала, что здесь есть кафе.

– Я работаю здесь два-три раза в неделю. – Короткая пауза. – Если заканчиваю достаточно рано, то иду на экскурсию. Вот почему я так много знаю об этом.

– Понятно, – говорит она, зарываясь руками в карманы брюк. – Кстати, то, что ты говорил до этого, оказалось правдой.

– Что именно ты имеешь в виду? – спрашиваю я.

– Что я посмотрю на эту инсталляцию по-другому.

Какое-то время мы стоим в тишине бок о бок. Сначала это приятно, но потом уже нет.

Когда я поворачиваюсь, чтобы уйти, она вдруг спрашивает:

– А вон о той картине ты что-нибудь знаешь?

Луиза

Мы провели вместе два часа. И даже тогда мы прощаемся

лишь потому, что музей закрывается.

– Это было прекрасно, – говорю я, удивляясь тому, что произношу это вслух.

– Тебе в какую сторону? – спрашивает он, и я задаюсь вопросом, почему он не говорит, что ему тоже понравилось. Потому, что ему не понравилось, или потому, что парни вроде него попросту не делают этого?

– Мне на Мюнхенскую свободу², – отвечаю я.

– Пешком? – удивляется он.

– Нет, – говорю я. – Полечу на своем драконе. Я привязала его там, снаружи.

Он смеется. Громким, заразительным смехом. Никогда бы не подумала, что он может так смеяться. Внезапно вокруг его глаз появляются мелкие морщинки, и сомневающееся выражение на его лице стирается.

– Ты не против, если я присоединюсь к тебе? – спрашивает он.

– Нет.

Мы идем рядом. Воздух такой холодный, что кажется, будто он глубоко врезается в мою кожу.

– Какие у тебя еще планы на сегодня? – невнятно спрашивает Джейкоб в свой шарф.

– У меня день рождения, – отвечаю я. – Мы с мамой, наверное, позже пойдем куда-нибудь поужинать.

Я говорю, не подумав. Не осознавая, сколько вопросов это

² «Мюнхенская свобода» (нем. Münchner Freiheit) – станция метро в Мюнхене.

может вызывать. Джейкоб останавливается и удерживает меня за руку чуть ниже локтя. Это первый раз, когда он прикасается ко мне. Он в перчатках, я в пуховике.

– У тебя день рождения? – Я киваю. – И ты говоришь об этом только сейчас?

– А что такое? Что бы это изменило? Ты бы организовал для меня воздушные шарiki?

– Пойдем в «Золотой бар».

– Что? – переспрашиваю я.

– Сейчас мы с тобой съедим по куску пирога. Пойдем.

Сначала я хочу сказать «нет», но потом он берет меня за руку, и я иду с ним.

Луиза

Я чувствую его тепло сквозь перчатку. Мы поднимаемся по ступенькам в задней части здания, потому что музей уже закрыт. Я ненадолго задумываюсь, был ли здесь когда-нибудь мой брат. В кафе или на открытой террасе летом. Джейкоб направляется ко входу. Наше дыхание окружает нас белыми облаками. Не хочу, чтобы он отпускал мою руку, но он отпускает. Потом тянет на себя тяжелую деревянную дверь, и я вхожу внутрь.

В маленьком холле тепло. Высокие стены выкрашены в темно-зеленый цвет, слева стоит небольшая золотая пальма с подсветкой, а рядом с ней разместилось удобное темно-ко-

ричное кресло. Нижняя часть стены облицована панелями из темного дерева, а над ними висит белая картина с черными надписями. На долю секунды я чувствую себя словно в приемной доктора Фалькштейна, только не такой британской и современной. Мы входим в длинную узкую комнату со старым паркетным полом и подиумом с правой стороны, на котором вокруг продолговатых журнальных столиков расставлены диваны в стиле пятидесятых годов. За ними расположились несколько человек. Они читают газеты и пьют кофе. Искусно выполненная картина, подсвеченная сзади, растянулась над ними почти на всю длину комнаты. Стену напротив занимают зеркала. Кажется, что теплый свет исходит отовсюду.

Мы проходим мимо маленьких круглых столиков и деревянных кресел, которые выглядят ужасно неудобными, мимо туалетов и маленькой белой стойки. Джейкоб останавливается у двери в конце помещения и придерживает ее для меня. За ней все золотое и зеленое. Такое ощущение, что я затерялась в картине. Или в древнем атласе. Или в огромной шкатулке с драгоценностями. Заметно, что Джейкоб часто бывает здесь. Пока я озираюсь по сторонам, как впечатленный турист, он ведет себя как местный житель, который видел все это уже бесконечное количество раз. Фоном играет музыка. Она смешивается с разговорами и шумом кофемашины. Джейкоб дает мне знак подождать минутку и исчезает за длинным баром. Он кого-то приветствует, что-то объяс-

няет, указывает на меня, и я быстро отворачиваюсь. И игнорирую то, как яростно бьется мое сердце, а ладони вспотели. В моем пуховике слишком жарко. Я расстегиваю молнию и стаскиваю с головы шапку. Мой взгляд мечется по комнате как любопытный ребенок. Деревянные панели, оконные рамы и двери – изумрудно-зеленого цвета. Вдоль золотых стен стоят черные столы поменьше, а середину комнаты занимает более длинный и большой. Над ним висит огромная люстра.

– Любишь яблочный пирог?

Джейкоб стоит прямо у меня за спиной, и его теплое дыхание щекает мое ухо. Я поворачиваюсь и смотрю на него. Он намного крупнее меня.

– Если нет, можно выбрать другой, – тихо говорит он.

– Нет, – отвечаю я. – Яблочный – это отлично.

– А кофе будешь?

Я медлю, а потом говорю:

– Лучше горячий шоколад. – Пауза. – Я имею в виду, если можно.

– Конечно, можно, – ухмыляется он. – Найди место. Я сейчас приду.

Джейкоб

Том морщит нос.

– Что-что она хочет?

– Горячий шоколад, – отвечаю я. – А что, у тебя с этим

проблемы?

– Сколько ей лет? Двенадцать?

– Если тебя это напрягает, я могу сам приготовить заказ, – холодно возражаю я.

Том склоняет голову на бок и щурится.

– Так, значит, тебе приглянулась малышка...

– И еще яблочный пирог, – игнорирую его слова.

Он с минуту смотрит на меня.

– Ладно, без проблем. Со взбитыми сливками или без?

– Со сливками, – говорю я. – У нее день рождения.

Луиза выбрала столик в углу и оглядывает комнату, как сторожевая собака. Когда я присоединяюсь к ней, она улыбается. Мне хочется что-нибудь сказать, но не знаю что.

– Здесь и правда красиво, – наконец произносит она.

Луиза смотрит по сторонам, и на мгновение она напоминает мне счастливого ребенка. Но затем у нашего столика появляется Том, и ее взгляд снова становится серьезным.

– Так, у нас здесь один яблочный пирог с корицей и взбитыми сливками и горячий шоколад для тебя, – он понимающе косится в мою сторону, – и чашка черного кофе для тебя, Джейкоб. – Короткая пауза. – Хотите чего-то еще?

Я качаю головой.

– Нет. Спасибо.

Том подмигивает мне и уходит. Идиот.

– А откуда тебе, собственно, известно мое имя? – вдруг спрашивает Луиза.

– Что? – переспрашиваю я в ответ.

– Ну, когда я спросила, как тебя зовут. Ты уже знал мое имя.

Дерьмо. Я избегаю ее взгляда.

– Я узнал тебя, – говорю через некоторое время. – В коридоре. На лестнице.

Я формулирую ответ расплывчато, потому что не хочу признавать, что еще в первый раз понял, кто она такая.

– А потом поискал тебя в старом выпускном альбоме.

Неужели я только что сказал это?

– Ты искал меня?

Я киваю.

– Зачем? – спрашивает она, уставившись на меня.

– Потому что хотел знать, как тебя зовут.

Она бросает на меня взгляд, а потом отпивает глоток горячего шоколада. Смени тему. Просто смени тему.

– А как поживает твой брат? – спрашиваю я. – Он все еще в Мюнхене?

Выражение ее лица становится жестким.

– Нет, – отвечает она, – он... его нет.

Луиза протыкает яблочный пирог так, будто это его вина.

– Уехал учиться? – спрашиваю я.

– Да. Он изучает искусство. – Пауза. – В Берлине.

– Ты, наверное, не хотела, чтобы он уходил...

Ее взгляд встречается с моим.

– Нет, не хотела, – в ее глазах плещется что-то тягост-

ное. Совсем недолго, а потом это исчезает. Луиза пробует пирог. – Очень вкусно.

– Рад, что тебе нравится, – говорю я, поднимая свою чашку. – С днем рождения.

– Спасибо, – улыбается она.

Это всего лишь одно слово. Одно-единственное слово. Но то, как она это говорит – мягко и тихо – и смотрит на меня при этом, похоже на идеально нанесенный удар. Как будто я падаю на землю и лежу, не в силах пошевелиться.

Ее телефон вибрирует, и я почти испытываю облегчение от того, что он прерывает момент. Луиза откладывает вилку.

– Алло?

Она отворачивается, и я разглядываю ее. Круглый лысый затылок и длинные ресницы. Жесткое и одновременно с этим мягкое лицо. Красивые губы. Я кручу в руках свою чашку с кофе. Я делаю это только тогда, когда нервничаю. Но почему я нервничаю?

– Все в порядке, – говорит она, отстраняя телефон, смотрит на часы, потом снова прижимает трубку к уху. – Да, смогу... – она смотрит на меня. Мне нравится ее голос. – Здорово... да, я тоже.

Луиза

Между его бровями опять появляются эти складки в виде числа Пи. Он качает ногой и крутит в руках свою чашку с

кофе. Наверное, я наскучила ему.

– Прости, что мы только сейчас договариваемся об ужине, – говорит моя мать, – но у меня снова было столько дел.

– Все в порядке, – отвечаю я.

– Как насчет того, чтобы встретиться в ресторане Blockhouse³, в восемь? – Она прекрасно знает, как мне нравится Blockhouse. – Как думаешь, ты успеешь?

Я отстраняю телефон от уха и смотрю на часы, а потом говорю:

– Да...

– Отлично, потому что я уже зарезервировала столик.

– Здорово.

Я смотрю ему в глаза. Они темные и серьезные. Как будто видели такие вещи, которые не должны были видеть.

– Жду не дождусь, – говорит мама.

– Да, я тоже.

Джейкоб

Мы стоим на улице на морозе. Одна часть меня хочет сбежать, а другая не хочет прощаться. Мне нравится быть с Луизой.

– Куда тебе нужно? – спрашиваю я.

– В Blockhouse, – говорит она и указывает в сторону Лю-

³ Сеть ресторанов, базирующаяся в Германии.

двигштрассе.

– Тебя проводить?

Она качает головой.

– Тебе это ни к чему.

«Но я хочу», – думаю я и вместо этого говорю:

– Ладно.

– Спасибо за пирог.

– Не за что.

– Ну, тогда, – она делает несколько шагов назад, – думаю, еще увидимся.

Звучит как смесь утверждения и вопроса.

– Да, – говорю я, не желая ждать до среды.

– Пока, Джейкоб.

– Пока.

Она разворачивается и идет прочь по улице. Несколько секунд я смотрю ей вслед. А потом тоже разворачиваюсь и иду в другую сторону.

Луиза

Я быстро оглядываюсь, но Джейкоба уже нет. Наверное, он испытывает облегчение. Хотя то, как он мне улыбнулся, говорит обратное. А складка на лбу в виде Пи – за. Я сворачиваю на Людвигштрассе, и мне вдруг кажется, что последних часов на самом деле не было. И все это я себе просто вообразила. Как то состояние между сном и бодрствованием,

когда реальность смешивается с грезами.

Мне уже давно ничего не снилось. Слава богу. От всего существуют таблетки. Я принимаю противотревожный препарат, и он меня попросту вырубает. Как переключатель. Через полчаса после приема я теряю сознание и больше ничего не чувствую. И не вижу снов. Меня нет. Как будто я мертва. Но потом я снова просыпаюсь.

Вот только то, что произошло сегодня, буквально только что, было настоящим. Мне это не приснилось. Джейкоб подарил мне кусок пирога. И горячий шоколад. Ни то, ни другое ничего ему не стоило, и Минг сказала бы, что это ничего не значит. Что важен поступок. И что время – самая дорогая валюта.

Минг. Мне нужно позвонить ей. Вообще-то я уже давно должна была это сделать. Задеревеневшими от мороза пальцами выуживаю из кармана мобильник, натягиваю капюшон пониже на лицо и перехожу к любимым номерам. Вообще-то, их всего три: ее, моей матери, и еще один – тот, что больше не используется.

– Ну наконец-то, – отзывается Минг еще до того, как я успеваю услышать гудок. – Все в порядке? Я волновалась.

– Прости, – говорю я. – Мне стоило объявиться раньше.

– Наверное. Но самое главное, что у тебя все в порядке. – Пауза. – При данных обстоятельствах. – Еще одна пауза. – Ты ведь в порядке, правда?

– Да, – говорю я, и это почему-то так и есть. Но в то же

время – нет.

– И? Чем ты сегодня занималась?

– Я была на выставке послевоенного искусства.

– А разве ты туда раньше не ходила?

– Ходила.

И ее молчание спрашивает: «Это та, на которой ты была с Кристофером?»

А мое молчание тихонько отвечает: «Да».

Я продолжаю идти вперед, снег хрустит под моими ногами, и звуки проезжающих машин доносятся словно издалека. Они движутся медленно. Почти как в замедленной съемке.

– Минг? – говорю я.

– Хм, – отзывается она.

– Помнишь того мальчика из нашей школы? Того, с темными волосами, который еще ни с кем не разговаривал? Он учился в одной параллели с Кристофером.

– Ты имеешь в виду того, что перешел в нашу школу только в одиннадцатом классе? Красавчика с такими невероятными черными глазами?

– Именно, – говорю я.

– Конечно, помню, – отвечает Минг. – Такого парня не забудешь. – Короткая пауза. – А что с ним?

И тогда я рассказываю ей все. О первой нашей встрече у почтовых ящиков, потом о второй и бутербродах. И, наконец, о письме Кристофера, годовом абонементе на посеще-

ние Дома искусств, инсталляции Бойса и о Джейкобе, который вдруг оказался рядом со мной.

– Джейкоб, значит, – говорит она.

– Да, – говорю я.

– И какой он? Я имею в виду, в реале?

– Он хороший. И в то же время какой-то странный. – Пауза. – Он не особенно разговорчив.

– Ты тоже.

– Именно, – говорю я. – В том-то и проблема.

– Вы еще увидите? В смысле, вы обменялись номерами?

– Ты что, ненормальная? Мы случайно встретились. Я упомянула, что у меня день рождения, и тогда он предложил поесть пирога. Он просто старался быть вежливым.

– Значит, это было его предложение?

– Как будто бы я могла предложить что-то подобное.

– Тоже верно. И что теперь?

– И теперь ничего.

Светофор загорается зеленым, и я иду дальше.

– Думаешь, он чего-то хочет от тебя?

– Конечно, – с сарказмом отвечаю я, – ведь я абсолютно в его вкусе.

– А почему нет? Может, так и есть?

– Минг, такие парни, как он, предпочитают девушек с волосами.

– Наверное, – говорит она. Еще одна пауза. – А Кристофер действительно написал тебе письмо?

– Да.

– Это довольно странно, – отвечает она.

– Так и есть.

– Он говорил, что свяжется с тобой, – говорит Минг.

– Да, говорил, – подтверждаю я.

Я узнаю вывеску ресторана и останавливаюсь под ней. К пепельнице у входа жмутся трое в длинных плащах. Они молчат и курят.

– Я на месте, – тихо говорю Минг. – Мы с мамой договорились поужинать. Уверена, она уже ждет.

– Хорошо, – говорит она. – Еще кое-что.

– Хм?

– С днем рождения, Лу.

Джейкоб

Когда, наконец, добираюсь до дома, от холода я уже не чувствую лица. Снимаю перчатки и шарф, потом вешаю куртку. Интересно, почему мне, собственно, всегда думается, что весна начинается в марте? Такого никогда не бывает.

В прихожей пахнет яйцами и маслом. Если готовит мой брат, то это яичница. Обычно он просто делает тост. Я снимаю ботинки и запираю за собой дверь квартиры, а затем иду в сторону шума, на кухню.

Артур, топлес и в тренировочных штанах, стоит у плиты. Сначала мне кажется, что он один, но потом я замечаю мо-

лодную девушку, которая сидит за столом и улыбается ему. Это, должно быть, Джулия. Она хорошенькая, но не похожа на тех женщин, которых обычно приводит домой мой брат. Короткие светлые волосы, невысокий рост, маленькая грудь, настоящие ногти.

– О, привет, Джейкоб, – добродушно говорит Артур, убивает с огня сковородку и подходит ко мне. – Где ты так долго был? – он обнимает меня и взъерошивает мои волосы. Обычно я не против, но обычно за нами при этом никто не наблюдает.

Поэтому отталкиваю его и киваю в сторону стола.

– Не хочешь нас познакомить? – тихо спрашиваю я.

– Я хочу этого уже несколько часов, – усмехается он. –

Итак, где же ты был?

– Гулял, – уклончиво отвечаю я.

– Значит, гулял. А где?

Игнорирую его и иду к столу.

– Привет, – говорю я, протягивая ей руку. – Я Джейкоб.

– Джулия, – улыбается она. – Рада, наконец, познакомиться с тобой. Артур столько о тебе говорит.

– По большей части, скорее всего, неправду, – кошусь я на брата.

– Только правду, – говорит он, переворачивая яичницу.

Джулия смеется.

– Хочешь пива, Джейкоб?

Вообще-то я хочу пойти в свою комнату и послушать му-

зыку, но сказать «нет» было бы невежливо, поэтому я говорю «с удовольствием» и сажусь рядом с ней.

Артур ставит на стол две тарелки. Яичница и тосты с маслом. Его фирменное блюдо. Должно быть, он очень любит Джулию, раз готовит для нее. Иначе не стал бы утруждаться.

– Хочешь что-нибудь съесть? – спрашивает Джулия, указывая на сковороду. – Мы можем приготовить еще что-нибудь, если хочешь.

– Без шансов, – смеется Артур. – Мой брат не ест ничего подобного.

Я с досадой смотрю на него, а потом отвечаю:

– Я не голоден. Но спасибо за предложение.

– Да? А что ты тогда ешь? – спрашивает Джулия.

– Я ем все.

– Но только то, что приготовил он сам, – усмехнувшись, добавляет Артур.

Джулия смотрит на меня.

– Ты готовишь? Честно?

– Как молодой бог, – отвечает мой брат.

– Артур, – бурчу я. – Прекрати.

– А что? – спрашивает он. – Это же правда. – Он поворачивается к Джулии. – Правда. Он потрясающе готовит, – говорит он, кладя руку мне на плечо. – Абсолютный природный талант.

– Он преувеличивает, – говорю я.

– Ничего подобного, – возражает он.

Мой брат отрезает кусок от своей яичницы и засовывает его себе в рот.

– Смотрела мультфильм «Рататуй»? – чавкая, спрашивает он. Джулия кивает. – Вот что такое мой брат.

– Маленькая крыска, которая умеет готовить? – уточняю я. – Очень мило.

Он закатывает глаза.

– Ты прекрасно знаешь, что я имею в виду.

Джулия делает глоток пива и говорит:

– Женщины любят мужчин, умеющих готовить.

– Джейкоба они любят и так. Ему даже не нужно для них готовить, – говорит Артур.

– Я так и думала. Полагаю, у тебя есть девушка?

Терпеть не могу, когда почти незнакомые люди спрашивают меня о личных вещах, но в ее случае это не кажется мне досадным. Что странно, потому что, как правило, это всегда меня беспокоит.

– Нет, девушки нет, – говорю я.

– А почему?

– Не знаю. Наверно, просто не нашел пока подходящий вариант. – Я думаю о ней. И этих глазах, глубоких, как бездна.

– Должно быть, очень хлопотно иметь такой большой выбор, – говорит Джулия то ли в шутку, то ли всерьез.

– Что ж, – говорит Артур, – человек растет, выполняя сложные задачи.

Она смеется и толкает его в бок.

– Вы двое очень уж похожи.

– Что? – удивляюсь я. – Я же совсем ничего не сказал.

– А тебе и не нужно, – говорит она. – Я различаю сердце-
дов с первого взгляда. – Молчание. Хотелось бы мне возра-
зить, но не могу. – Так, о чем это мы? Ах да, готовка. Как ты
пришел к этому? – спрашивает она.

Я не знаю, что на это ответить. Но только не правду. Артур
видит выражение моего лица и говорит:

– Когда ты живешь со мной, тебе не остается ничего дру-
гого, кроме как научиться готовить, – он виновато пожимает
плечами. – Если, конечно, ты не без ума от яичницы. Тут я
абсолютный эксперт.

– О да, это так.

Я отодвигаю стул. Ножки скребут по полу.

– Я, пожалуй, пойду.

– Не так быстро, – говорит Артур, хватая меня за рукав.

– Что еще?

– Прежде чем снова исчезнуть в своей комнате, скажи
мне, где ты был.

– Ну и где, как ты думаешь? На работе, – раздраженно
отвечаю я.

– Да. До пяти. А потом? – ухмыляется он.

– Сначала пошел на выставку, потом ненадолго заглянул
в бар, – это не вранье.

– Это ужасно скучно. Мы с тобой ничуть не похожи. –

Эти слова заставляют меня рассмеяться. — Ты и в самом деле безнадежный случай, Джейкоб. Ты в курсе?

— Да, — говорю я. — А ты чертовски любопытен.

Луиза

Еда вкусная, и заведение набито под завязку. Столы похожи на разбросанные островки с красно-белыми клетчатыми скатертями, обитатели которых слишком громко разговаривают.

— Тебе не нравится? — спрашивает сквозь шум мама.

— Напротив, — говорю я. — Все очень вкусно.

Она улыбается. А потом мы обе снова делаем вид, что нет ничего странного в том, что мы здесь впервые только вдвоем. По-моему, мы делаем это довольно хорошо. Посторонние не заметили бы, что что-то не так. Что кого-то не хватает. Что мы грустим.

Мама режет свой бифштекс на мелкие кусочки. Она выглядит усталой. Как будто не спала уже несколько недель. Я знаю, каково это. Мы похожи на призраков, которые время от времени встречаются в коридоре. Или на кухне. Или в ванной. Бледные оболочки, говорящие «Доброе утро» и «Сладких снов». Когда кто-то лишает себя жизни, он забирает и часть твоей. Он забирает часть тебя. Стоит ли рассказать маме о письме Кристофера? Но я не рассказываю. Ее глаза слишком пусты, а щеки слишком впалые.

С тех пор, как я появилась в кафе, она уже четырежды извинилась за то, что освободилась так поздно, а я четырежды ответила, что ей не стоит об этом беспокоиться. Она всегда много работала. Но раньше у меня еще был брат. И тогда это было не так заметно.

Я смотрю на нее. Сейчас, когда перестала улыбаться, мама снова выглядит настоящей. Она больше не позирует, словно для фотоальбома. Морщины глубже, кожа бледная. Иногда я слышу, как она плачет, когда думает, что меня нет рядом. Очень-очень тихо. И время от времени, возвращаясь поздно вечером домой, заходит в комнату Кристофера и садится на его кровать. Она думает, что я не знаю об этом, потому что уже сплю, но чаще всего я еще бодрствую. Мама поднимает глаза и, когда замечает, что я смотрю на нее, снова включает радость на своем лице. Будто лампа.

– Расскажи, как прошел твой день?

– Все хорошо, – говорю я.

– И что же ты делала?

– Сначала я была в музее, а потом – в кафе, – это не вранье.

Мама откладывает столовые приборы.

– Совсем одна?

Если я сейчас отвечу «да», совесть станет мучить ее еще сильнее, и она уже в пятый раз извинится, что не успела освободиться раньше, а я в пятый раз скажу, что в этом нет никакой проблемы. Но если отвечу нет, мне придется расска-

зять ей о Джейкобе, а я по какой-то причине не хочу этого делать. Она бы увидела в этом то, чего нет. Поэтому я выбираю вариант номер три:

– Нет, не одна. На выставке я случайно встретила мальчика из школы.

– Честно?

Я киваю.

– А потом мы пошли есть пирог. Было здорово.

Она исследует меня как полиграф. Как будто взвешивает в уме, не придумала ли я всю эту историю только ради нее. Чтобы она не чувствовала себя самой плохой матерью на свете.

– Он из твоего класса?

– Нет. Он... – Пауза. – Он из параллели Кристофера.

Каждый раз мне странно произносить его имя. До этого – с Минг, а теперь – с моей матерью. Обычно я просто думаю о нем. Словно произнесение его имени вслух было признанием того, что он мертв и никогда не вернется.

– Значит, в прошлом году он учился вместе с Кристофером, – замечает она.

– Думаю, да, – говорю я.

– Соответственно, ему тогда... сколько? Девятнадцать, двадцать?

– Он не особенно интересуется мной, – отвечаю я, откусывая свой гамбургер.

Чувствую, что она хочет сказать что-то еще, и это невы-

сказанное повисает в воздухе. Как гигантский речевой пузырь. Что-то вроде «Надо остерегаться парней постарше» или «Вот когда я была в твоём возрасте...» Но она ничего такого не говорит и вместо этого снова хватается за свои столовые приборы и продолжает есть.

Через двадцать минут официант убирает наши наполовину пустые тарелки. Он спрашивает, не хотим ли мы забрать остатки, и мы киваем.

Когда официант уходит, мама протягивает мне пакет, и я беру его. Не лёгкий и не тяжёлый. Зелёная картонная коробка с большим бантом из красной ткани. Напоминает Рождество.

– С днём рождения, Пчелка.

«Пчелка». Давно она меня так не называла. Может быть, пчелка – слишком веселое слово. Может быть, его нельзя использовать, если кто-то из твоих детей покончил с собой.

Мама наблюдает, как я распаковываю подарок. Этот напряжённый взгляд спрашивает, нравится ли он мне. Такие ситуации всегда заставляют меня нервничать. Я скорее отношусь к типу людей, которые любят разворачивать подарки в одиночестве, потому что всегда боюсь не обрадоваться должным образом. По крайней мере, не так, как хотелось бы тому, кто напротив меня. С моим братом всё было по-другому. Тогда я знала, что всё пройдет отлично. Надеюсь, так будет и сейчас. А если нет, тогда, надеюсь, я буду убедительна. Поднимаю крышку коробки. Наушники. Это наушники.

– Я подумала, что так ты сможешь слушать музыку по вечерам, не вызывая жалоб старой перечницы сверху. – Пауза. – И они без проводов.

Она запомнила, что я хочу наушники. Несмотря на все, что произошло. Я упомянула об этом всего один раз, и это было несколько месяцев назад. Но она запомнила.

– Кажется, это действительно хорошие наушники, – говорит она. – Я уточнила, они совместимы с твоим смартфоном и ноутбуком. – Я судорожно сглатываю. – Если они тебе не нравятся, мы можем обменять их, и ты выберешь другие.

Она неуверенно улыбается. Я чувствую, как по моему лицу бегут тяжелые горячие слезы. Я знаю, что если сейчас что-нибудь скажу, то уже не смогу перестать плакать. Поэтому просто качаю головой. И улыбаюсь. И мама это понимает. Она понимает каждое слово, которое я не могу произнести.

Среда, 22 марта.

Аллергия на идиотов

Луиза

Письмо Кристофера пришло прошлой ночью вскоре после полуночи. Этого я не ожидала. Я лежала на кровати в его футболке и слушала музыку в своих новых наушниках.

Без понятия почему, но я думала, что его следующее сообщение придет не раньше четверга. Ровно через неделю после первого. Поэтому обрадовалась. Потом прочитала его. И с тех пор злюсь.

Через три четверти часа у меня следующая встреча с доктором Фалькштейном. Я предпочла бы просто не пойти. Но я не могу так поступить, потому что он сразу же доложит моему отцу. А тот – матери. Хорошо это или плохо, но папа тогда придет, сядет на старое место Кристофера за кухонным столом – потому что у него самого места больше нет, – и тогда нас ждет «разговор», который чаще всего заканчивается тем, что мои родители кричат друг на друга. В прошлый раз речь шла об уродливом клоуне, который теперь уже не висит на стене. Мой отец счел это «невозможным», а мама заявила, что отца не касается то, что висит на ее стенах.

Поэтому я иду к доктору Фалькштейну. Потому что лучше молчать у него в кабинете, чем слушать, как ссорятся мои родители. Вчера я почти с нетерпением ждала этого дурацкого приема, потому что надеялась снова увидеть Джейкоба. А теперь я надеюсь, что этого не случится. Потому что наша встреча, наверное, была бы странной: ведь мне настолько паршиво, что мы будем только молчать, и это заставит меня нервничать.

Я беру рюкзак и иду в ванную. Дверь закрыта. Не люблю, когда эта дверь закрыта. Но и когда наоборот, мне тоже не нравится. Нажимаю на ручку и включаю свет. Я ненавижу эту комнату. Как будто она что-то сделала. Как будто виновато окно, а не тот, кто выпрыгнул из него. Эта ванная рассказывает историю, которую никто не хочет слышать, которую никто, кроме меня и моей матери, слышать не может. Это как голос в наших головах.

Мама хотела переехать, но с этим ничего не вышло, потому что мы не можем позволить себе в этом городе ничего другого. Мы живем здесь более тринадцати лет и поэтому почти ничего не платим. В нашей квартире цены на аренду остановились, тогда как вокруг они вознеслись до небес. Мы в буквальном смысле застряли в этих четырех стенах. Они как клетка, к которой у нас есть ключи.

Я делаю глубокий вдох и подхожу к окну, ощущая ногами мягкий коврик. Именно здесь он и стоял. Там же, где сейчас стою я. Опираюсь на подоконник и смотрю сквозь стек-

ло вниз, на уродливый фонтан. И тогда мне приходит мысль, что это, возможно, было последним, что мой брат видел в свои последние секунды, когда еще был жив.

Мой телефон вибрирует в кармане брюк, и я вытаскиваю его. На дисплее напоминание: «Встреча с доктором Фалькштейном через 30 минут». Засовываю телефон обратно и бросаю быстрый взгляд в зеркало. Девушка, что смотрит на меня оттуда, все еще кажется мне немного чужой. Такой безволосой и жесткой. И все же я не жалею, что побрила голову. Это как фото до и после.

С этой мыслью я выключаю свет, выхожу в коридор и покидаю квартиру. Никогда бы не подумала, что буду чувствовать что-то подобное, но я ненавижу своего брата.

Джейкоб

Выключаю воду, выхожу из душа и оборачиваю полотенце вокруг бедер. Зеркало запотело, а горячий воздух наполнен паром. В желудке какое-то странное чувство. Будто я голоден. Но я не могу быть голодным, потому что ел всего полчаса назад. Только вот подобным образом дело обстоит не только с едой. Со всем так. Вчера вечером Артур спросил: «У тебя все в порядке? Ты уже несколько дней слоняешься по квартире как загулявшая кошка». Я только закатил глаза и пошел на тренировку. В третий раз с четверга. У меня болят мышцы. А они не болели уже целую вечность. Интерес-

но, увижу ли я ее сегодня. Хотя спрашивать себя об этом не хочу. Я не хочу спрашивать себя об очень многих вещах. И не хочу думать о ней. Но делаю это постоянно.

Я иду в свою комнату, беру телефон и прокручиваю свои плей-листы. В конце концов, выбираю микстейп из Spotify, потому что понятия не имею, что хочу послушать.

Квартира пуста. У Артура, правда, каникулы, но он должен пройти какие-то курсы, если не хочет вылететь из университета. Похоже, он и в самом деле туда пошел. Или же он с Джулией. Думаю, последнее более вероятно.

Я слегка обтираюсь, бросаю полотенце на пол и одеваюсь. На заднем плане играет какая-то незнакомая песня. Достаточно громко, чтобы заглушить мои мысли, и сначала я не обращаю внимания на то, что поет парень, но потом прислушиваюсь. И больше уже не могу не слушать.

Иногда мы находим музыку. А иногда она находит нас. Я создаю новый плей-лист и сохраняю песню.

И называю этот плей-лист «Луиза».

Луиза

Я сижу на неудобном диване, смотрю в пустоту и думаю о письме Кристофера. Но я не хочу думать о его письме. И о нем самом – тоже. Еще семь минут, и можно будет уйти. Доктору Фалькштейну пришлось ответить на срочный звонок. Это было почти полчаса назад. С тех пор я сижу в его

приемной в одиночестве и надеюсь, что он не вернется. Интересно, действительно ли он разговаривает по телефону или просто искал предлог, чтобы выйти отсюда? В принципе, мне все равно.

Мой взгляд падает на оленя на стене, а затем на потолок. Дома ли Джейкоб? А если да, то этот потолок – его пол? Скорее всего, нет.

Наверное, он куда-то ушел. На работу. Или куда-нибудь еще. Я думаю о том, что он рассказал мне о Бойсе. И о значении оленя в мифологии. Никогда не задавалась вопросом, почему Дж. К. Роулинг выбрала патронусом Гарри оленя. Олень и олень. Кристофер читал мне книги о Гарри Поттере. Все семь томов.

Дверь открывается, и в комнату входит доктор Фалькштейн.

– Мне очень жаль, Луиза, – говорит он, – но, к сожалению, быстрее не получилось, это была чрезвычайная ситуация.

– Нет проблем, – говорю я.

Его взгляд падает на часы.

– К сожалению, прямо сейчас у меня следующая встреча.

– Все в порядке, – отвечаю я, встаю и направляюсь к двери.

– Само собой, мы наверстаем упущенное на следующей встрече, – говорит он.

«Лучше не надо», – думаю я, но киваю, когда доктор Фалькштейн провожает меня до выхода.

– Увидимся в среду, Луиза. И повторюсь: мне очень жаль.

– Увидимся на следующей неделе, – говорю я и выхожу на лестничную клетку.

Закрываю за собой дверь, включаю свет и спускаюсь по ступенькам вниз. Если не считать моих шагов, все тихо. Когда достигаю ступени, на которой на прошлой неделе у меня потемнело в глазах, я останавливаюсь. Как будто бы она – это скрытый звонок, на который нужно наступить, если хочешь увидеть Джейкоба, но слишком труслив, чтобы надавить как следует. Но, конечно, ничего не происходит. Свет гаснет. Какое-то мгновение я замираю в ожидании, но в итоге чувствую себя глупо и спускаюсь по лестнице на первый этаж. Лампочка тускло светит над почтовыми ящиками, и на четвертом справа в верхнем ряду написано: «Райхенбах/Беккер». Почему две фамилии? Какая из них его? Несколько секунд я неподвижно стою в подъезде и жду. А потом иду к трамвайной остановке.

Я разочарована, что его не было. Как будто он обязан стоять по средам в подъезде дома как раз в это время.

Как будто ему заняться больше нечем.

Джейкоб

Я стою у кухонного окна и смотрю на трамвайную остановку. Еще несколько минут назад у меня и в самом деле имелись веские причины не выходить на улицу. Но теперь,

когда я вижу, как она стоит там одна, они больше не приходят мне в голову. Луиза скрестила руки на груди, а широкий шарф закрывает лицо. Мне хочется отвернуться, но не получается. В любую минуту она сядет в трамвай и уедет. Но я не хочу, чтобы она уезжала. Хожу взад-вперед перед окном, но не выпускаю ее из виду. И вдруг появляются трое парней. Тот, что в центре, довольно крупный. Двое других – скорее маленькие. Они надвигаются на Луизу, словно стена, и я замираю на месте.

Тот, что постарше, что-то говорит ей, и она отвечает. Очевидно, они знакомы. Может, они достают ее? Чувствую, как напрягаются мои мышцы. Что-то не так, но я не знаю что. Парень делает шаг к Луизе, и она пятится. Я по-прежнему не двигаюсь – просто смотрю из окна. Только на нее. Вдруг он толкает ее, и я выбегаю из квартиры.

Луиза

Я натыкаюсь спиной на рекламный щит рядом со скамейками, теряю равновесие и падаю. Вообще-то это не больно, на самом деле мне просто страшно. И все-таки мои колени слишком сильно дрожат, чтобы я смогла снова подняться на ноги.

– Если ты еще хоть раз приблизишься к Изабель, я тебя прикончу!

Фабиан наклоняется надо мной. Его шея такая же широ-

кая, как и лицо. Я съеживаюсь и подтягиваю ноги ближе к телу.

– Тебе ясно? – спрашивает он. – Лучше не связывайся со мной.

Он срывает с головы мою шапку и бросает ее на землю.

– Долбаная уродка!

Фабиан пинает меня ногой и ловит за голень, а я, защищаясь, закрываю лицо руками. Он кричит на меня, но я не понимаю, что он орет, потому что раздается громкий автомобильный гудок.

И вдруг появляется он. Джейкоб.

Он хватает Фабиана и отталкивает от меня, из-за чего тот спотыкается и чуть не падает. Джейкоб без куртки, его шнурки развязаны. Все происходит невероятно быстро, как будто кто-то перематывает мою жизнь. И в то же время замедляет. Джейкоб оказывается между Фабианом и мной. Он не кричит на него. И ничего не говорит. Он просто бьет и бьет.

Джейкоб

Парень валяется на земле. Я уже много лет никого не бил. Только на тренировках и больше нигде. И это были мешки с песком. Часами. Я хочу пнуть его ногой, но не двигаюсь. «Правило номер десять: если противник находится на земле, вы отступаете в нейтральный угол». Он упал. Я должен остановиться, потому что у него рассечена губа, и кровь ка-

падет в грязный снег. Его друзья неподвижно стоят рядом. Я чувствую, как они смотрят на меня.

– Джейкоб?

В голосе Луизы звучат слезы, и я оборачиваюсь. Она корчится на земле, держась обеими руками за голень, и плачет. «Правило номер десять: если противник находится на земле, вы отступаете в нейтральный угол». Она вытирает щеки, а я опускаюсь перед ней на корточки и поднимаю ее шапку. Она грязная.

Луиза похожа на ребенка. Она сидит передо мной с этой своей лысой головой и большими темными глазами и смотрит на меня. Я мог бы убить его. Держась за скамью, Луиза пытается подтянуться, но у нее не получается, поэтому я помогаю ей подняться. Руки у нее холодные.

– Давай, – говорю я, – пошли.

Луиза

Он заваривает чай. И не говорит ни слова. Не думаю, что я когда-либо видела кого-то, кто был бы так зол. Так контролируемо зол. Он ставит на стол две чашки. И делает это совершенно спокойно. Но я чувствую, что больше всего на свете он хотел бы швырнуть их о стену.

– Тебе нужно прижать пакет со льдом как можно крепче. – Это инструкция, и я следую ей. – Что этот парень хотел от тебя? – спрашивает он, садясь рядом со мной. – Кто это был?

– Фабиан, – говорю я.

– Фабиан, – повторяет он.

– Да.

Молчание.

– Тебе нужно прижать этот чертов лед, – говорит он и кладет свою руку на мою. – Так.

– Хорошо, – киваю я.

Молчание.

– Где ты научился так драться? – спрашиваю я через некоторое время.

– Тренировки по боксу, – отвечает он односложно, а затем добавляет: – Чего этот парень от тебя хотел?

– Думаю, напугать, – говорю я. – На самом деле я сама во всем виновата.

– Сама виновата? – ревет он, вскакивая. Его стул падает, чай переливается через край чашки, и я вздрагиваю. – Черт возьми, да что бы ты ни сделала, он не должен был прикасаться к тебе! – Джейкоб огромный, как башня. Его сонная артерия пульсирует. – Этот мерзавец на полторы головы выше тебя и весит вдвое больше! – его голос срывается. – Нельзя бить кого-то, кто слабее тебя самого!

Я только смотрю на него, продолжая прижимать пакет со льдом к голени. Дыхание Джейкоба неровное, руки сжаты в кулаки, а глаза непостижимо черные.

– Он не имеет права прикасаться к тебе. Никто не имеет права тебя трогать, если ты этого не хочешь. – Пауза. – Ты

это понимаешь?

Я снова киваю. Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга, затем он поднимает свой стул, достает тряпку и, вытерев чайные лужи, снова садится.

– И что же ты сделала? – наконец, спрашивает он.

– Я избила его девушку.

Он поднимает брови.

– Ты избила его девушку? – Я киваю. – По твоему виду не скажешь.

– Знаю. До этого случая я никогда никого не била. – Короткая пауза. – Это основная причина, по которой мне нужно проходить терапию. – Еще одна пауза. – На самом деле родители хотели, чтобы я прошла ее еще раньше, но я отказывалась. А теперь это обязательно. В противном случае меня исключат из школы.

– Они исключили бы тебя за то, что ты однажды кого-то ударила? – хмурится он. – Я бы сказал, это чересчур.

Я думаю об Изабель и этой странной ситуации, которая теперь кажется мне совершенно нереальной. Как будто это случилось не со мной, а с кем-то другим.

– Почему ты это сделала? – спрашивает он.

– Она сказала что-то, что... – не могу продолжать говорить, иначе начну плакать. А я не хочу снова плакать перед ним.

– Что она сказала? – тихо спрашивает он.

Я сглатываю и все-таки говорю:

– Спросила, когда я, наконец, покончу с собой, как мой душевнобольной брат.

Джейкоб

Я смотрю на нее, а она смотрит в сторону.

– Я думал, твой брат в Берлине, – говорю я спустя некоторое время.

– Нет, – она откладывает пакет со льдом, – тут я солгала. – Молчание. – Кристофер мертв.

Я смотрю на нее. Мне не хочется смотреть на нее, но не могу отвести взгляд.

– Когда? – спрашиваю я.

– В конце января, – говорит она.

– Января этого года? – Она кивает и смотрит на свои колени. – Он... это были таблетки?

– Их он пробовал чуть меньше года назад, – глухо говорит она. – Но ему не удалось. В этот раз он действовал наверняка. – Она делает паузу. – Мой брат выпрыгнул из окна.

Я открываю рот и снова закрываю. Луиза тянется к своей чашке, но не пьет. Только крепко держит ее.

Взяв себя в руки, я спрашиваю:

– Почему? Я имею в виду, почему он это сделал?

– У моего брата было биполярное расстройство, – тихо говорит она. Ее голос едва ли громче шепота.

Я хочу взять ее за руку, но не двигаюсь. Вместо этого про-

сто смотрю на нее. Ее взгляд мечется по сторонам, быстрый и беспокойный. Как будто она спит с открытыми глазами. Луиза проводит пальцем по ручке чашки, делает глоток, задумывается.

– Он написал мне письмо, – наконец говорит она. – На день рождения. А вчера вечером пришло еще одно.

– Как это возможно? – хмурюсь я.

– Через веб-сайт, – говорит Луиза. – Он называется Futureme.org.

Внезапно она смотрит на меня очень прямо, как будто ее взгляд может меня удержать, и спрашивает:

– Знакомо ли тебе чувство, когда ты так зол, что не узнаешь сам себя? Как будто ты вдруг стал кем-то другим?

Я киваю. В квартире абсолютно тихо. Только слышно, как тикает счетчик отопления.

– На кого ты злишься? На себя или на него?

Она на мгновение задумывается и говорит:

– На нас обоих. Но больше – на него.

Луиза продолжает смотреть на меня. Секунду, две, три. А затем тянется к рюкзаку, достает из переднего кармана телефон и набирает пин-код.

– Это вчерашнее письмо, – говорит она и протягивает мне телефон.

Сначала я колеблюсь, но потом беру его. И начинаю читать.

Кому: luise.koenig@gmail.com

Небольшой отчет о путешествии

Дорогая Лиз.

В своем последнем сообщении я не написал тебе, где нахожусь в данный момент: это было бы неуместно. В конце концов, это был твой день рождения. Но теперь скажу: я нахожусь в промежуточном мире.

Ты, скорее всего, представляешь себе это, как в греческой мифологии, где неподкупный перевозчик Харон преправляет мертвых за монету на своей лодке через мертвую реку Ахерон. Ну, здесь не все так по-гречески.

На его лодку допускаются только те, кто получил и может оплатить погребальный обряд. Значит, ко мне это не относится, потому что я покончил жизнь самоубийством. Здесь, внизу, этого совсем не любят. Я поговорил со своим паромщиком – есть тайная дверь, своего рода черный ход. Серия заданий. Если я выполню их, он возьмет меня с собой на другую сторону, а если потерплю неудачу, мне придется сто лет тенью бродить по берегу реки.

Поверь мне, это не для меня: ты не видела людей здесь, внизу. Довольно мрачные фигуры. И все они хотят сесть в эту лодку. Они ни перед чем, действительно ни перед чем не остановятся.

Поскольку у меня больше нет тела, ведь я мертв, мне нужен союзник. И вот в игру вступаешь ты. Без тебя у меня нет шансов. Ты мой телефонный

джокер, моя связь с реальным миром, мой туз в рукаве. Перевозчик говорит, что самоубийцам нужен кто-то живой, чтобы заступиться за них. Тот, кто выполнит поставленные перед ним задачи. Это единственный путь на другую сторону. План Б для тех, кто не очень-то желанен. Ты знаешь, что меня ждет, если ты скажешь «нет». Что мне тогда придется терпеть. Сто лет – это долгий срок, Лиз. Но ты – это ты, и не подведешь меня. Ты никогда бы так не поступила. В конце концов, спасение моей души в твоих руках.

Так вот, первое задание. На самом деле оно очень простое. Тебе просто нужно отпраздновать день рождения. Ничего больше. Единственное условие: вас должно быть как минимум трое. Мама не в счет. Папа и Флегмарион тоже. Ты можешь праздновать так, как хочешь, но обязательно праздновать. Задание считается выполненным только в том случае, если ты получишь удовольствие. Если будешь смеяться. И забудешь обо всем остальном на несколько часов.

Конечно, ты не обязана этого делать. Это всего лишь электронное письмо, не так ли? И я мертв. Кто узнает, действительно ты сделаешь это или нет? Но теперь только представь, что мой лодочник действительно существует. Как и лодка. И я, который стоит внизу, у реки, и не может перейти на другую сторону. Ты не можешь желать этого для меня.

Через неделю жди новое письмо.

Береги себя.

Кристофер.

Я сглатываю и с улыбкой опускаю телефон.

– Твой брат, должно быть, и в самом деле очень любил тебя.

– Что, прости? – ошеломленно спрашивает она. – Ты ни в коем случае не пошлешь ничего подобного тому, кого любишь!

– Такие вещи посылают только тому, кого любят, – говорю я.

Она встает и смотрит на меня, став ростом ненамного выше, чем я, когда сижу.

– Одно дело, что он покончил с собой. Это я даже еще могу как-то понять. И, может быть, даже когда-нибудь прощу ему, что мне пришлось видеть его таким, – говорит она вслух, – но теперь я к тому же должна нести ответственность за это проклятое спасение его души...

Ее голос срывается, и она прижимает руку к губам, отворачиваясь от меня. Ее плечи дрожат, но она, такая маленькая и изящная, не издает ни звука. Как будто за прожитые годы научилась быть храброй.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.